

Николай Берг

Эпоха мёртвых

Ночная смена
Мы из
Кронштадта

Мир «Эпохи мёртвых»

Николай Берг

Мы из Кронштадта. Том 1

«1С-Паблишинг»

2012

Берг Н.

Мы из Кронштадта. Том 1 / Н. Берг — «1С-Паблишинг»,
2012 — (Мир «Эпохи мёртвых»)

Человечество привычно к войнам. Любимые герои у людей – военачальники. Вся история – сплошные битвы. Потому, когда мир захлестнуло ордами восставших мертвецов, ничего особенного, в общем, и не произошло. Просто очередная война. Ну, немного другой противник, а так – дело известное. Привычная издавна работа. Герои книги уже знакомы читателям по «Ночной смене». Охотничья команда по поиску и ликвидации особо опасных мутировавших зомби. Обычная мужская работа.

Содержание

Глава 1. Заушения	5
Глава 2. Дела домашние	10
Глава 3. Собаченции	15
Глава 4. Выезд	21
Глава 5. Типовая мародерка	23
Глава 6. Новые люди в команде	29
Глава 7. Простенькая задачка	33
Глава 8. Сюрвайверы	38
Глава 9. Опять Кронштадт. Енот	43
Глава 10. Рынок	48
Глава 11. Скромная пирушка	54
Глава 12. Внутренний голос	59
Глава 13. Рутин	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Николай Берг

Мы из Кронштадта. Том 1

Подотдел очистки коммунизма

Глава 1. Заушения

– Что молчишь как партизан, сын нерусского народа? – участливо спрашивает майор Брысь нахохлившегося Ильяс.

Снайпер неприязненно молчит. Потом тихо и неразборчиво начинает что-то кряхтеть под нос.

А что тут скажешь? Операция прошла из рук вон плохо, а сам Ильяс облажался по полной. И для самолюбивого и гонористого человека, каким и является наш снайпер, этот конфуз вдвойне неприятен.

Да еще и чертов майор вместо крика и ора ведет вежливый разговор – тут скандал не устроишь и с темы не спрыгнешь. Остается кряхтеть и шептать себе под нос всякое, чтоб остальные не расслышали.

Честно говоря, мне сейчас Ильяс жаль: последнее время ему сильно не везет, причем началось это как раз в начале апреля в моем присутствии. Сначала мы ввязались в показавшуюся Ильясу очень выгодной комбинацию, а в итоге остался он без передних зубов, затем его супруга узнала про эскападу в Госпитале. Смешно было предположить, что масштабная зачистка такого учреждения, да еще сводной группой алебардщиков и тому подобных вояк с холодным оружием останется тайной. Разумеется, разговоров по Кронштадту было много. Опять же Ильяс, настояв на восточных доспехах и оружии для своей персоны, выглядел даже на общем фоне латников более чем экзотично. Одна булава с бычьей головой потом сколько раз поминалась.

Разумеется, жена узнала, что он ввязался в рукопашную драку. Уж что там у них произошло, никому не известно, но после общения мужа и повелителя с восточной раболепной и покорной женщиной на утренний сбор он пришел несколько не в себе, каким-то встрепанным и совершенно неожиданно для всех, а в первую очередь – для себя, ляпнул: «И лучшая из них – змея. Велик Аллах и Магомет, пророк его!»

Потом была реорганизация нашей охотничьей команды, нас прибрали к рукам и построили, да еще теперь командует нами этот самый майор с нелепой фамилией Брысь. То есть и с командирства Ильяс попятит. Вроде бы как замом он остался, но кто понимает, тому растолковывать не нужно.

И даже прозвище это, которое сейчас прозвучало, сам же Ильяс себе и спроворил, когда, унимая разбушевавшегося спьяну соседа, на его возглас: «Я сын русского народа, а ты кто?», меланхолично ответил: «А я сын нерусского народа. Пошли спать, а?»

Мужик стушевался и, обуреваемый когнитивным диссонансом, отправился баиньки, а Ильяс утром, не подумав толком, похвастался своей удачей в знании психологии соседа. И все. Пропал.

– Ты что, совсем не слышал, что Блондинка сзади прошла?

Ильяс ежится дальше.

Морф, на нейтрализацию которого мы в этот раз отправились, и впрямь прошел у сидевшего в засаде Ильяс прямо за спиной, далее спрыгнул со второго этажа, проскользнул под носом у пары наших стрелков, а потом уже морфа засек Серега, но тоже опоздал, и очередь из пулемета пропала зря.

Серге тоже вставили фитиля, тем более что и впрямь промазал, а это с нашим пулеметчиком редко бывает. В отличие от Ильаса, Серега, когда злится, – щурится. Вот сейчас Серега щурится, а Ильяс кричит и ежится.

– Резюмирую, – говорит майор, – день угробили бездарно и бестолково. Морф второго вида, средний, облапошил нас сегодня как малых детей. Чудо, что живы остались. Но такое везение нам не всегда будет выпадать. И к слову – то, что морф при жизни был блондинкой, тоже сослужило нам плохую службу. Расхолодились, раззявились. Так вот, напомним: если зомби удалось стать морфом – он уже не дурак значит. А все анекдоты про тупых блондинок сочиняли несчастные брюнетки долгими одинокими вечерами – это тоже забывать не след...

Так что единственно, кто сегодня молодцом – так это Хундфройляйн. Умница девочка. Если б не она – думаю, что у нас были бы сегодня похороны. Разных глухих и нерасторопных. Доктору объявляю порицание, – совершенно неожиданно заканчивает майор.

– Мне-то за что? – удивляюсь я.

– Подумайте на досуге. Все свободны.

Начинаем расплзаться.

Веселой выглядит только «умница девочка» – немецкая овчарка, которую за боевые заслуги майор всегда величает деликатно «Хундфройляйн» – моя собака по имени Фрейя.

Остальные выглядят хмуро.

Придерживаю за рукав Ильаса.

– Ну? – мрачно спрашивает он меня.

– Давай ко мне зайдем, – предлагаю ему.

– А зачем?

– Мысль одна возникла, надо бы попробовать.

– А, да ну все к Иблису, очень мне все это надо, не мальчик уже. Открою пекарню, катись оно шаром...

– А ведь ты на губы смотришь.

– Ты о чем?

– Ты действительно оглох. Не слышишь, а по губам читаешь уже, как глухонемой.

– Слушай, иди ты...

– погоди, не топырься. Мне кажется, я знаю, что делать. Пошли, попробуем.

Некоторое время снайпер сопротивляется. Потом, как бы делая мне одолжение, соглашается, и мы с ним идем ко мне на квартиру. Последнее, что Ильяс успел, сидя в командирском кресле – это выбил нам жилье, весьма комфортное по нынешним временам. Во всяком случае, в том доме, где мы устроились, есть вода, иногда даже горячая, и периодически бывает свет. Мне, правда, не очень подфартило: кроме меня, жильцами оказались и толпы клопов, с которыми пришлось биться не на жизнь, а на смерть. С переменным успехом.

Довольно непросто загнать снайпера в ванну. По-моему, слона зимой искупать проще. Но в конце концов голый Ильяс сидит в ванне и злобно на меня смотрит. Отмечаю про себя, что он сильно изменился: когда в самом начале Беды мы встретились – он был такой вальяжный, пухлый, подернутый легким нежным жирком, каким обычно покрываются холеные мужики, живущие в полном благоденствии. Теперь жирка и след простыл.

Все так же подозрительно снайпер следит за моими манипуляциями. Простые манипуляции, чего уж – свинчиваю насадку-рассекатель с душа. Вода горячая есть, и теперь из душа вместо сотни струек лупит одна, такая гидромониторная.

– Отитов гнойных у тебя не было? – весьма громко осведомляюсь у пациента.

– Чего?

– Ухи болели? Гной был? – громкий ор Ильяс все же слышит.

– Нет, не было.

– А, ну тогда сиди смирно, раз барабанные перепонки у тебя целые.

Он все-таки дергается, когда струя теплой воды хлещет ему в слуховой проход.

Еще раз дергается, когда я тяну его за мочку уха: если ее тянуть книзу, то слуховой проход распрямляется. Через минуту прошу Ильяса повернуться другим боком.

– И что дальше? – громко спрашивает он меня.

– Пока пополивай себя теплой водичкой, чтоб не мерзнуть. Ждем несколько минут.

– А?

– Ждем, говорю!

Честно признаться, мне все же немного страшно. Если я ошибся с диагнозом, и причина глухоты иная, не ровен час, снайпер посчитает, что это я над ним так поиздевался. Он вполне вменяемый человек, но полоса неудач редко кому добавляет благости в характер. Опять же восточный темперамент...

Ну, начали, благословясь.

Я сильно радуюсь, когда вижу в струях воды на дне ванны мелькнувший маленький – меньше полусантиметра – темно-коричневый комочек.

– Ну, как слышно?

– Ты чего орешь? – сварливо спрашивает пациент.

И тут же говорит сам себе: «А!».

– Значит, слышишь?

– Слышу, – недоверчиво отвечает Ильяс.

– Если интересно – вон причина лежит на фильтре слива.

– Эта, что ли? – брезгливо спрашивает снайпер.

– Она самая. Пробка из ушной серы. Давай, повертайся, вторую вымывать будем.

Проверка слуха у помытого Ильяса показывает, что он слышит прекрасно, и ставший привычным с института шепотной тест «Шульман, пошли в шалаш» различает, как и положено, с нескольких метров.

Однако радость у него быстро сменяется озабоченностью.

– Вот не было раньше такого. Старею.

– Не. Это зубы.

– Что зубы?

– Слышал поговорку: «Ест – аж за ушами трещит»?

– Нет. Это ты о чем?

– Зубы тебе выбило. Жуешь потому осторожно. А для того, чтобы сера не скапливалась, жевать надо от души. Тогда слуховой проход шевелится и самоочищается. А ты – не жуешь.

– Ты серьезно?

– Совершенно. У человека все взаимосвязано: промочил ноги – потекло из носа, хотя где ноги – а где нос. Майор мне сегодня правильно намекнул: надо мне за вас браться. Буду вам диспансеризацию проводить. И с зубами тоже решать надо. Не хочу тебе на мозоль наступать, но, видно, мне пора лезть. Да и у Андрея с зубьями не достача, и майору тоже есть что вставлять. Я как-то запустил дела.

Тут я прикусываю язык – Ильяс морщится, как от кислого. Он и сам малый не промах и нашел в условиях бедлама, который тут у нас после Беды, вроде бы шибко толкового стоматолога. Тот предложил достать золота – и побольше, чтоб осчастливить золотыми зубами кучу страждущего народа. Тогда, мол, Ильяс получит качественно сделанные зубы и потом (я так думаю, была об этом речь, была) будет в доле со всех золотых зубов, что вставит стоматолог.

Я сначала-то и не понял, с чего нашу команду понесло к черту на кулички, на край Питера, да еще и в обстановке некоторой странноватой секретности. Оказалось – Ильяс решил обобрать ювелирный магазин. Ну, с этим мы опоздали – его обнесли до нас, наверное, в самые

первые дни, только сделали это очень грубо, так что все, что было на прилавках, оказалось расшвырянным по всей улице – достаточно тесной, надо признать.

Зомби сначала было немного. В смысле – в пределах видимости. Опять же, обглоданных скелетов на улице не валялось, так что работать начали спокойно – не было там ни шустриков, ни морфов. Только вот работа оказалась нелепой: все содержимое витрин валялось разбросанным в разгромленном зале и на улице россыпью, вперемешку с битыми стеклами, всяким мусором и грязью. Стали собирать разные колечки-цепочки с асфальта. Потянулись зомби. Сначала по чуть-чуть. Потом гуще. Потом – ПОПЕРЛИ. Пришлось банально драпать, запершись в БТР. Всех сокровищ оказалось – пригоршня грязнучих драгоценностей, да еще с одного из самых первых пошедших к нам зомбаков взяли как-то странно брякнувшую при падении тела сумку. Там оказались серебряные ложки.

На следующий день Ильяс долго искал своего стоматолога, взявшего накануне вечером ценности на стерилизацию и дебактериализацию, как он, оказывается, заявил. Оказалось, что зубодер тем же вечером покинул анклав на микроавтобусе, двинувшись куда-то по Кольцевой автодороге.

Осталась от него только запись на КПП.

А следующим выездом уже командовал новоявленный «пришлый викинг» – тот самый майор Брысь. В итоге Ильяс зияет дыркой на месте передних зубов, стесняется улыбаться – ну и вообще. Плохо ему.

С майором житье у нас стало сильно иным. Были мы вольными казаками, охотничьей командой, а стали скучными регулярными с жестко прописанными задачами и обязанностями. Как не без ехидства заметил мой коллега, артель имени Шарикова. Того, который Полиграф Полиграфович. Только в нашу задачу входит ликвидация не бездомных кошек, а бродячих морфов.

Доля правды в его словах есть. Учитывая, что большая часть в нашей команде – охотнички со стажем, нас и направляют на такие операции, в которых надо уgomонить что-либо заковыристое, не вполне подходящее для других боевых групп, которые состоят из всяких собранных с бору по сосенке людей. Во всяком случае, такие следопыты, как пулеметчик Серега, там редкость. И без него у нас вряд ли что-нибудь получалось бы. Вот с Блондинкой облом вышел серьезный. Вроде и следов она оставила везде, и Серега разобрался, что да как – а вышло коряво. Хотя Блондинка и не заяц-русак, а получилось, что запутала она следы на славу, и Серега их не распутал как должно. То, что морфиню уже дважды безуспешно пытались взять мореманы – и одного, которого она утянула, так и не нашли, кстати – утешение кислое. Щуке мышей в амбаре ловить не с руки. А тут не мыши, что уж там говорить.

– Ну, в общем, теперь ты и сам справишься, если рецидив будет, – говорю я уже одевшемуся сослуживцу.

– А ждать зачем было нужно?

– Чтоб размокла пробка. Вымывается тогда проще. Чай пить будешь?

– А насквозь не пробьет? В метро вон гидропушкой землю разносили. Чай буду.

– Если совсем без мозгов струю напрягать, да еще в ухо воткнуть... Хотя нет, не слыхал, чтобы кто так убился. Садись, сейчас вскипит.

Жизнь напоминает несколько ошалелому после нестандартного излечения Ильясу, что клювом щелкать не надо, а надо все время быть на стреме – подходя к столу, снайпер запинаятся, чуть не брякается на пол, удерживается на ногах с трудом и раздражается фонтаном ругательств на нескольких языках – полиглот у нас Ильяс и этим чуточку бравирует. Но сейчас у ругани искренний тон – напугался. Явно.

В ответ на его брань из-под стола злобное шипение и неприятный утробный мям.

– Это что? – неприлично для мужчины взвизгивает Ильяс.

– Лихо одноглазое.
– Трехногий, что ли?
– Ага. Он самый. Под столом живет.
– Тьфу, кишка волосатая, в поликлинику тебя, на опыты – выражает свое недовольство снайпер.

Понятно, вылез котяра глянуть, что тут такое, а умение у этой домашней скотины попадать под ноги и совать свой нос, куда не надо – яркое и врожденное. И ведь не учится ничему. А уж мог бы – когда мы его подобрали, котейка был на волосок от весьма позорной гибели. Серега на ходу отшелкал троих зомби, которые уже принялись кота живьем жрать, Вовка при- тормозил БТР, а медсестрица нашей группы выскочила через десантный люк и вернулась с покалеченным котофеем на руках. Думаю, только то, что ему сильно досталось от зомбаков, обеспечило такой легкий захват – характер у животного мерзкий, и в руки он, как правило, не дается. Нас с медсестрой Надеждой терпит и признает достойными служить Его Величеству. Ко всем остальным относится высокомерно и по-хамски.

Потому, наверное, и живет под столом, что тут его лечили – в итоге он остался трехногим, одноглазым, бесхвостым и сильно драным, но живым. Живым и очень прожорливым. Когда обсуждали, как его назвать, начитанный Саша, стрелок и связист в одном лице, предложил назвать его Счастливчиком, но Вовкино предложение понравилось больше, и теперь эта живность уже привыкла реагировать на официально присвоенное ему имя – Лихо одноглазое.

Надо заметить, что кличку свою кот отрабатывает на все сто. Вот чуть снайпера не искалечил.

Чай у меня неплохой, это Ильяс охотно признает. Разумеется – он же мне его и презентовал. С заедками несколько скучнее – только халва с арахисом, твердоватая и староватая, зато ее много – ящик.

Пока пили чай, Ильяс, по-моему, все же кота пнул. Во всяком случае, настроение у него выправилось, и уходил он уже куда как более довольным, чем пришел. И славно. Не знаю, какой из него будет пекарь, а вот как снайпер он весьма полезен. Видел неоднократно. Конечно, второму нашему снайперу он все же уступает: Андрей именно настоящий снайпер, до мозга костей, Ильяс же и сам признает, что именно в снайперской стрельбе он послабее. Правда, это его не очень огорчает, до недавнего времени жил-то он куда как лучше Андрея, да и сейчас, в общем, его семья пристроена неплохо, а Андрей вообще бобыль.

Это позволяет Ильясу примириться с тем, что как снайпер он несколько э-э-э... ну, не хуже, конечно, но как бы превосходит в другом.

В вылазке за Блондинкой Андрей участия не принимал. Уже и лето, а его проблемы с суставами так и не кончились, вот он и остался на острове, благо сегодня очередные стрельбы для подростков, и вместе с нашим сыном команды Демидовым – или как еще назвать приставшего к группе беспризорника – как раз там оба по самые уши и были заняты.

Да и мы, честно говоря, не ожидали от морфини такой прыти. Блондинка, да еще в ошметках каких-то розовых тряпок, не крупная, зооморфная, то есть передвигающаяся на четвереньках, с чего-то показалась всем совершенно рутинной целью. Потому провал получился крайне неприятный для нашего самолюбия и репутации.

Собственно, только моя собака тут и отличилась. Она еще толком-то и не собака, щенок пока, пухлый и толстолапый, но, как и все живые собаки, зомби чует верхним чутьем и тут же дает об этом знать всем, у кого уши пробками не забиты. Не могу сказать уверенно – щенячья истерика спугнула Блондинку или она и так не собиралась с нами связываться – но обошлось без потерь. А у нас отсутствие потерь – основная гордость.

Правда, не для посторонних – увы, только формально и только во время боевых вылазок. Но и это уже немало, что и говорить.

Глава 2. Дела домашние

Вот, значит, ублажил я на сегодня Эскулапа, пора домашними делами заниматься. Дел много. Во-первых, у меня стирка.

Я ненавижу стирку. Меня мало утешает, что скажем, у Вовки те же проблемы и носки всегда после стирки оказываются в нечетном количестве – либо их 11, либо 5, либо 7. Правда, я достаточно умен, чтоб пользоваться одинаковыми носками радикально черного цвета, но сам факт нечетности угнетает.

Во-вторых, надо готовить. С этим значительно проще – не стирка все же. Хотя тоже не все так просто. Голодных ртов-то куча получается, и у каждого свой вкус.

В-третьих... В-третьих, собака – это хорошо, конечно. Только, как оказалось, сильно непросто. Честно сказать, три раза еще подумал бы, прежде чем брать, если б знал, как оно будет. С детьми в клинике – и то легче получалось. Когда мой коллега, именуемый Буршем за грозный вид и жутковатый шрам на щеке, принес пушистый колобок с круглыми глазами и кожаным носом, оно было умиротворяюще. Но оказалось, что внимания этому зверьку нужно очень много. Реально – МНОГО. И возни с дитем этим собачьим – тоже много. Дите ело, пило, писало и гадило, невинно глядя на мир. А еще оно лезло, куда не надо, плакало, когда обижали, а обидой считалось и невнимание. Девочка же, хоть и в шерсти. Только очень зубастая девочка и грызет все подряд, как грызун какой-то. Зубастая шерстяная неуклюжая девочка. Сейчас у нее еще как-то внезапно отросли тяжеленные и здоровенные уши, которыми она пока управляет с трудом, и эти треугольные кульки то заваливаются на стороны, то ложатся чепчиком на щенячью голову, то храбро пытаются стоять по-взрослому.

А потом еще началась дрессировка. Коллега действительно помог, давая очень ценные советы, но и с ними все было непросто. Сегодня опять надо идти на площадку – и, как оказалось, дрессируя собаку, дрессируешь и себя. Вот мне что-то лень идти, а придется. Чертов Бурш страшно не любит, когда я опаздываю, да еще и приходит всегда за пять минут. С инструкторами нынче непросто, кто уцелел – работают на основной площадке служебного собаководства, благо собаки теперь – очень ценный товар, а уж обученные... Короче, занимаемся этим самостоятельно, правда коллега что-то и впрямь умеет и советы дает толковые, но все же врач он, а не дрессировщик-профи.

Свалив шмотки в стиральную машину, сыплю жратву Лиху Одноглазому. Если есть чего в этой скотине хорошего – так только то, что жрет все, что ни дашь, да гадит вне дома. За это качество я его ценю и уважаю. Еще хорошо, что со щенком кошка ужился, хотя и тут пришлось поломать голову, строго выполняя советы умного Бурша. Правда, и сложилось удачно: животные попали в дом почти одновременно, недоеденный кошка был слаб, как заядлый вегетарианец – глаз-то открывал с трудом, щен был совсем маленьким, да и территория этой квартиры была для всех нас чужая.

Раньше наша команда базировалась в Петропавловской крепости, в которую нам повезло попасть в самом начале Катастрофы. Нельзя сказать, что анклав получился мощным, но, что называется, стены помогали. Тем более что стены худо-бедно были крепостными. В итоге – удержались, не без помощи Кронштадта, конечно, но удержались. Когда первый ужас прошел, начались мелкие игрища – Кронштадт стал подгрывать под себя все полезное. Петропавловка – как стоящая на Неве и хорошо укрепленная – тоже в полезное попала. Нет, особого давления не было, моряки все же считаются интеллектуально развитой публикой, за горло руководство Крепости было взято мягко и даже где-то с почтением и возможностью сохранить лицо. Просто-напросто в самом начале апреля погода отмочила привычный для Питера фортель: несколько дней было реально жарко, а потом грохнули заморозки.

Пока неясно, с чего это вышло, но нас подняли посреди ночи по тревоге. Собственно, посыльный опоздал – мы уже одевались, разбуженные трескотней пальбы гулким, вразнойбой четырехорудийным пушечным залпом, от которого зазвенели стекла. Когда мы выкатились из ставшего нашей казармой нумизматического салона и добежали до положенного нам по плану обороны места на Зотовом бастионе, впервые ужаснулись. Не было такого раньше. Черная толпа зомби смяла оборону обоих мостов и теперь густо перла по мостам, растекаясь по всему Заячьему острову. Кто-то из них падал на лед, потому и по льду протоки эти нежити тоже шли. Пальба шла интенсивная, но какая-то растерянная, что ли: больно уж это все было неожиданно – словно кто-то организовал зомбаков на такой штурм.

Нас перебросили на Алексеевский рavelин сразу же, как только оказалось, что одиннадцать метров в высоту зомбаки преодолеть не могут и потому собственно Крепости ничего не угрожает. А вот шесть метров – на рavelине – вполне доступны для толпы зомбаков. И преодолевают они их весьма просто...

– Стрелять прицельно! Патронов у нас не вагоны! – орал Ильяс. Другие командиры вопили нечто подобное. Но нервы у всех были ни к черту, и пальба шла истерическая. Не у всех, конечно, но многие ребята и мужики из наспех сколоченной и собранной из сбежавшейся в Крепость публики комендантской команды и гарнизона Крепости действительно лупили почем зря.

Хорошая была ночка, с заревом от ракет, с черными толпами бредущих нескончаемо мертвяков, с пальбой, с громом старых музейных единорогов и лихорадочным сшибанием лезущих на стенку зомбаков.

Навал мы отбили, потом днем зомби почему-то перестали ломить и в спокойной уже обстановке удалось перешелкать тех, кто болтались по острову, восстановить укрепления на мостах и ужаснуться тому, сколько патронов извели. Артиллеристы, лупившие по толпе каменным дробом из древних единорогов времен 1812 года, тоже пожгли весь дымный порох, накопленный с таким трудом. Единственно, кто порадовался – так это команда бесшабашных поклонников холодного оружия: к утру прибыли группы поддержки из Кронштадта и из омовского гнезда. Вот они носились по острову и отрабатывали на остатках нежити свои живодерские приемы. При взгляде со стен Крепости это чем-то напоминало старую гравюру «Варфаломеевская ночь».

А мы пересчитали потраченные боеприпасы – и приуныли.

Получалось, что еще один такой навал – и мы пополним ряды этих самых алебардистов, если только алебард в Артиллерийском музее хватит.

Так и получилось, что в обмен на боеприпасы и оружие посовременнее (а вооружена была Крепость всяким старьем еще из трофеев Великой Отечественной, и в самом начале кронштадцы помогли нам оружием – выдали всякие древние карамульки, да с ограниченным количеством патронов) крепость незаметно потеряла самостоятельность.

– Продали первородство за миску патронов, – метко заметил мой знакомец, матерый сапер по кличке Крокодил, живущий теперь в соседнем доме. И я вынужден был с ним согласиться.

В итоге в Крепость пошло оружие посовременнее, чем карабины Лебеля, пулеметы «Гочкис» и прочая антикварная архаика, и туда пошли люди Кронштадта, а вот из Крепости тех, кто побоееспособнее – нас, например – перетянули в Кронштадт. Гарнизон Крепости увеличился мало не втрое, так что следующего навала можно было не бояться, но комендант Крепости полковник Овчинников таким образом стал подчиняться приказам капитана первого ранга Змиева, главы Кронштадта.

Чем был вызван такой навал, после которого на таскаемые зачуханной тарактелкой с гордым именем «Славянка» саморазгружающиеся баржи для вывоза грунта свалили несколько тысяч упокоенных, так никто пока и не понял. И новообразованная некробиологическая лабо-

ратория ничего внятного не сказала. Не должны бы зомби действовать организованно – а как на первомайскую демонстрацию перли.

Живем теперь в Кронштадте. По бытовым условиям – пожалуй, что и поудобнее, но безопасность здесь куда ниже. Мне, честно говоря, не хватает того ощущения, которое раньше было привычным и не замечалось – чувства безопасности. Здесь в городе слишком много народа, да и не до конца зачищенных мест хватает. Потому приходится все время держать ухо востро, да и собаку, собственно, для того завел.

Поселили меня в трехкомнатную квартиру. Попутно в нее же Ильяс записал и нашу медсестру Надежду. Объяснено это было мне так: дескать, жилье это временное, и если я перетяну из глухоманной деревни своих родителей в Кронштадт, то тогда можно и переиграть, а так девушка будет под защитой толкового бойца (это он меня так обозвал, гад); да и в случае чего из угловой квартиры два стрелка прикроют сразу два сектора, а не один, да то, да се – пурга, короче. По-моему, он просто решил создать мне семью. Надька одинокая, я холостой. А Ильяс, глядишь – благодетель. К моему удивлению, самостоятельная и занозистая медсестричка ничего против не сказала, ну а мне ершиться и вовсе не с руки. Всяко лучше, чем с Вовкой жить.

Такой вот Ноев ковчег получился. Кота подобрали за день до вселения – он, собственно, первым в эту квартиру и вошел. Правда, вошел своеобразно, валяясь половой тряпкой в картонной коробке, которую Надя несла перед собой. Потом я собаченцию притащил. Ну, а клопы там уже были. Сейчас кровососов стало резко меньше, но иногда еще бегают. Ладно, в конце концов, это не самое страшное. Перед самой катастрофой успел прочитать в инете, что по всему миру тараканы исчезают, а клопы что-то разошлись широко. Аж в Нью-Йорке их толпы появились, чего раньше не было. Знамение, что ли, Апокалипсиса?

Так, теперь жратву собачине. Это самое сложное – не подумал бы, что щенячья диета такая хлопотливая. Правда, и растет собачина не по дням, а по часам. По рекомендации коллеги миски зверюг стоят неподалеку от границы сфер влияния – двери на кухню. Вроде как видят животные друг друга во время приема пищи – и благожелательнее друг к другу относятся. Даже, было дело, подстилки им менял – чтоб к запаху привыкали. Ничего, привыкли вроде. Хотя щенку приходилось довольно много раз говорить «Фу!», а кошака хлопать по заднице свернутой газетой – опять же тезис Бурша: наказание за неверное должно быть всегда одинаковым, чтоб животное понимала, чего от нее хотят. Странно, Надька к этому отнеслась с пониманием. Что удивительно – котяра тоже. Ну, в общем, со всеми в квартире можно найти общий язык. Даже с клопами. Дихлофос они понимают правильно, факт.

Осталось для нас с Надькой еду приготовить. К моему глубокому огорчению, оказалось, что она готовить не умеет вообще. Ну, разве что кашу на костре сварить.

Оно, конечно, не удивительно – многих девочек растили принцессами, и Надя тоже из семьи, в которой на нее надышаться не могли, холили-лелеяли, а потом пришел Ельцин, сказал: «Берите свободы сколько угодно». Свобода – это прекрасно! Особенно когда это свобода убивать, грабить, насиловать и держать рабов. Ну, и оказалось, что семья Надежды – это мерзкие оккупанты на теле свободной и счастливой республики Ичкерия. За это родителей Нади при ней же весело убили свободные ичкерийцы, сама она попала в рабыни и нахлебалась столько, что я даже думать об этом не собираюсь. Как-то освободилась или освободили, как-то жила до встречи с нами, когда оказалось, что она прибежала в Крепость в чем была, но с сумкой, набитой медикаментами. Знаю, что она отучилась где-то четыре курса мединститута, что отлично умеет оказывать первую помощь на поле боя, великолепно знает десмургию, как называется искусство перевязок, и очень недурно стреляет.

Еще знаю, что ее лучше не злить – довелось уже убедиться, что беспощадности она у ичкерийских рабовладельцев научилась хорошо, и никакого слюнявого гуманизма к врагам у нее и в помине нет – выбили это ошибочное заблуждение из нее, когда родителей убивали. Те

как раз были интернационалистами и гуманистами, как, в общем, советских врачей и воспитывали. Глупые совки, да.

Так что знаю я про Надежду очень мало. Человек с действительно темным прошлым. Впрочем, ее прошлое меня не очень-то и интересует. Вот то, что готовить она не умеет совершенно – это меня печалит. Хорошо еще, что как человек порядочный она всю квартиру убирает, так что в нашей коммуналке всегда порядок. И посуда у нас всегда помыта, а я посуду мыть ненавижу. Пачкаю с охотой, это есть такой момент.

Готовка сегодня простая: разжился я кучей мороженных грибов, вроде как опять, вот я их и пожарю, благо пара луковиц у меня есть, а еще имеется кусок мяса, вполне себе приличной свинины. На суп у меня задора не хватит, но покромсать и потушить опять-таки могу. Газа в баллоне на сегодня точно хватит, а потому можно еще и компот сварить – попались нам на глаза какие-то сухофрукты в последний раз. Это, может, европейцу сложно при Апокалипсисе, а я еще застал СССР, когда вроде и прилавки пустые, а голодным никто не был, и перестройку, когда на помойках почему-то оказывались тонны колбасы, а в магазинах был шиш, и вот тут-то при Горбачеве голодом пахнуло. И Гайдаровскую вивисекцию помню – когда реально жрать было нечего. Потом наладилось – при Путине, пожалуй, вроде бы наступило изобилие, хотя внимательный взгляд обнаруживал, что есть строгий набор продуктов, да еще и цены все в два раза выше, чем в Европе при впятеро меньших зарплатах... Так что не впервой, да.

Когда настает время бежать на площадку, обнаруживаю, что грибы все же странные. Их можно жевать, но вкуса грибного в них ровно никакого. И даже лук не помог. Вот мясо – вполне удалось, а грибы...

Остается только надеяться, что моя соседка придет совсем очумевшая и проглотит, не разбираясь, что найдет. Она еще в больнице помогает, ей там пообещали, что натаскают до уровня врача, восполнив недостающие два курса и интернатуру богатой практикой. Вот она и усердствует. С гонором девушка.

Меня тоже старались припахать на благо уцелевшей в Кронштадте больницы. Но хитрый майор Брысь тут же воспользовался этим, и как только меня оставили в больнице, изъязв из команды, так он тут же запорол пару заявок, привезя совершенно не то, что у него главврач запросила. При этом и прикопаться к нему оказалось невозможно: Надя – медсестра только номинально, образования формально у нее нет, и потому разбираться в фармакопее или лабораторном оборудовании ей не с руки, а сам майор много чего умеет и глубоко благодарен за вылеченный в этой самой клинике ревматизм, но вот разбираться в реактивах – не его задача, ну и так далее. Главврач в итоге плюнула, и теперь я опять в составе команды. И мне, честно говоря, это нравится больше, потому как лечить наших сограждан грустно – они вообще-то сволочи, эти наши сограждане, и стараются угробить себя всячески, категорически не желая придерживаться здорового образа жизни и нарушая все и всяческие рекомендации. Потом идут к врачу и требуют, чтоб им в момент вернули здоровье, молодость и красоту. Мне к концу приема хотелось уже лупить по башке мамашек, от которых воняло табачищем гуще, чем от гренадеров и драгун петровских времен.

Ясное дело, корова, что твой ребенок болеет и болеть будет, если грудью ты его не кормишь в принципе и куришь, как паровоз, в его присутствии. Еще б он не болел!

Нет, определенно мне больше нравится в нашей сумасшедшей компании, чем в клинике, которая сейчас и жнец и швец и на дуде игрец – поликлиническое звено в городе выбило почти полностью в самый же первый день прихода зомби.

Правда, свое освобождение пришлось отрабатывать, добывая всякие заковыристые вещуги в самых паскудных местах. Это майору сошло с рук, что он приволок грудку реактивов из лаборатории, да, к сожалению, реактивов на гепатит, которого с начала Беды след простыл и потому вот именно на гепатит реактивы вообще-то не заказывались. Мне такое не пройдет, потому приходится стараться во время вылазок, притаскивая то, что положено, плюс дважды в

неделю надо кататься в Петропавловку – там медпункт так и остался на моей ответственности, да пара ночных дежурств в самой клинике. Гибрид дежурного врача и охранника.

Глава 3. Собаченции

Собака радостно тащит поводок, видя, что я надеваю башмаки и беру автомат. Для прогулок по городу у меня городской пистолет-пулемет судаевский, а вот Калаш – тот на выезды. Мощноват он для города. Да, такие милые времена. Раньше для прогулок тросточку брали. Потом плеер. Теперь автомат...

Бурш уже на месте. Собакевичи начинают радостно приветствовать друг друга – родственницы, чай, сестрички из одного выводка, или как там называются собачьи семьи. И имена у них соответственные – сестричку зовут Исида. Собственно, выбор был именно таким, чтоб шепотом позвать, если надо. Ну и чтоб солидно. А то их единокровного братика Костогрызом назвали, что не комильфо, мне кажется.

Дальше начинается дрессура... Называется это все ОКД и, собственно, служит тому, чтобы сделать из собаки человека. Иногда у меня складывается впечатление, что я сам столько всего делать не умею. Или умею, но плохо. Собаки же стараются изо всех сил, и смотреть на них – толстопузых, но старательных – уморительно.

После того, как Бурш дал мне распечатки всех собачьих умений, которым мы их должны научить, я диву дался. Однокурсник из Эстонии, когда у меня гостил, всегда приходил с прогулок по Питеру немного офигевшим и утверждал, что у нас муниципалитет богатый и не ищет денег для бюджета. Дескать, в Эстонии собака без намордника, поводка и уж тем более не откликающаяся на свою кличку сразу дает весомый вклад в городской бюджет. В виде штрафа из кармана собачника. Ну, а у нас этим не заморачивались.

Кстати, в Кронштадте уже есть в одном из приказов пункт об отстреле всех бегающих в неположенных местах собак, не сопровождаемых бегущими рядом с той же скоростью хозяевами. И весьма жесткие санкции для тех, у кого собака не на поводке и без намордника. Пятнадцать суток общественно-полезных работ, как называется деятельность в «отряде исправления 3 категории».

Так вот, оказывается, и до Беды каждая вменяемая собака должна была знать свою кличку, прибегать к хозяину по первому зову, а в людных местах идти слева, держась плечом у ноги хозяина. Ну, про поводок и намордник уже говорилось. Надо же. Я и не знал – как, впрочем, и сами собаководы.

Вообще-то Бурш то и дело ставит меня на место и многие мои разумения пускает дымом. Мне вот казалось, что дрессура унижительна для собаки. Типа, собака – она тоже личность. Но на дрессировку Фрейя рвется как на праздник, за четверть часа уже начинает поскуливать, скрестись в дверь и проявлять нетерпение. И на площадке старается изо всех своих пока невеликих сил и явно радуется, когда у нее что-то выходит. Бурш, правда, придерживается метода поощрения – потому мне приходится то давать вкусняшки, то гладить, то хвалить в устной форме, рассказывая щену, какая она умница. Она в ответ готова из шкуры вылезти. Коллега же все мои интеллигентские благоглупости разбил простым вопросом: «Дрессура, значит – подавление индивидуальности? А когда человеческого детеныша учат говорить, ходить и есть самостоятельно – это, надо думать, тоже подавление индивидуальности?»

Уел. А потом еще и дополнил: «Собака – стайный хищник. Потому семья хозяина – для нее своя стая. А в стае все сидят на своих полках по иерархии, согласно штатному расписанию. И либо хозяин – вожак стаи, и тогда для собаки все ясно и она с удовольствием играет по правилам, либо хозяин – пустое место, и тогда она сама становится вожаком. У подавляющего количества собачников вожак стаи – именно собака. И это грустно, потому как вместо умного существа, от которого всем радость, получается вздорная, злая и тупая скотина. Глупость хозяина всегда на собаку переходит».

Ну, не возразишь. Вот и учим собак ходить и говорить... Есть самостоятельно они уже и сами умеют. Но трудно это все...

Уже в конце занятия собаченции внезапно начинают щетиниться, урчат и пятятся. Странная реакция. Когда рядом зомби – Фрейя лает и прыгает на месте. И на Блондинку тоже так отреагировала. И до того – был уже морф, та же реакция. А тут попятились и дернули разом в дальний угол площадки. Аллюром три креста. (Не знаю, что это такое на самом деле, но звучит красиво и, наверное, это значит «очень-очень быстро»).

Мы с Буршем тоже, не сговариваясь, начинаем отходить за собаками. Тяну с плеча ППС. Коллега оказывается только с пистолетом. Ничего не вижу сильно страшного. Но то, что мы оба вооружены не шибко, да к тому же я не в курсе, как Бурш стреляет – не настраивает на боевой лад.

– Пойдем, глянем? – не очень уверенно спрашивает коллега.

– Не тянет. И одеты мы не толсто, и вооружены слабовато.

– Это да... А что там? Так Фрейя уже реагировала?

– Нет, так не было ни разу. На морфов она лаяла.

Смотрим на собак. Из-за стоящего в углу площадки металлического короба, где хранится всякий нужный инвентарь, опасливо торчат два кожаных носа. Спрятались щенята.

– Что бы сделали персонажи в американском триллере? – спрашиваю я Бурша несколько нервно.

Он косо улыбается, отчего шрам на щеке шевелится как живой, потом отвечает: «Они бы разделились и пошли посмотреть, что там за скелет танцует».

– Значит, мы что должны сделать? – пятась, спрашиваю я его.

– Брать щенят на руки и валить отсюда – причем быстро.

И мы выполняем намеченное действие с мужественной непреклонностью и стремительностью.

Только выбежав на городскую улицу, останавливаемся.

Щенята нервничают, но уже не так боятся, как на площадке. Значит, нечто отдалилось. Начинаю вызывать майора. Отзывается с задержкой. Докладываю ситуацию. Хмыкает, приказывает дать координаты места, где стоим. Передаю рацию коллеге, он лучше тут ориентируется... Майор слушает, обещает прибыть через десять минут.

– Да, а что это вы говорили о крепостной стене, рядом с которой мы стоим? – осведомляюсь у напряженно посматривающего по сторонам коллеги.

– Так вот же она, у вас перед глазами – удивляется он.

– Вот этот заборчик!?

По-моему я его обидел.

– А вы заберитесь на него сначала. Вполне нормальная крепостная стена. Ну, не по всему периметру сохранилась и башня только одна уцелела, но тем не менее.

Стоим, молчим. Смотрим по сторонам. Тормозим бабку с ротвейлером, которая шла явно на выгулочную площадку, где мы как раз занимались. Рекомендуем ей не переть на рожон до прихода патруля. Бабка вроде внимает голосу разума, но ее песик думает иначе и спокойно волочет старуху, не слишком обращая внимания на ее окрики, команды и прочие бессмысленные попытки удержать пса на месте.

Нелепая ситуация. Бурш выразительно смотрит на меня, на увлекаемую бабку и ничего не говорит. Он опытнее меня в собачьих делах и раз не вмешался – мне тоже не след соваться. Парочка тем временем прокорячивается в арку этой так называемой крепостной стены, и бабкина ругань несколько стихает. Но очень ненадолго, потому как внезапно она становится громкой, визгливой, потом ее словно обрезают, и мы видим трагикомичную картинку: песику тоже что-то сильно не понравилось у площадки и теперь он стремительно несется обратно. Изредка успевая оттолкнуться ногами от земли, следом почти летит по воздуху бабка, наконец,

она шмякается на землю и теперь пес ее волочит плашмя, отчего скорость его передвижения несколько снижается, но не так чтоб сильно.

– Может, пристрелить животное, чтоб не мучилось?

– С ума сошли! Она хоть и старуха, а все-таки живой человек! Пункт 16–16 никто не отменял, – осаживает мой порыв коллега.

– Я вообще-то про ротвейлера говорил, – отвечаю я.

– Так и ротвейлер пока пункт 28-6 не нарушает. Бежит со скоростью хозяйки. Все в порядке.

– Помогите! – орет бабка.

– Да чем же я вам помогу, – участливо отзывается Бурш.

– Джерика поддержите!

– За какое место? – так же участливо вопрошает врач у протаскиваемой мимо нас старухи.

– Идиоты! За ошейник! Да сделайте что-нибудь!

– Могу Джерика пристрелить, – предлагаю я, сдерживая смех и кося глазом на арку в крепостной стене.

– Нет! Не смейте! Не вздумайте стрелять, я буду жаловаться! – орет старуха.

Джерик сбавил пыл, ей удастся встать на четвереньки. Я собираюсь ей помочь, но Бурш меня удерживает.

Высказав все, что она о нас думает, изгвазданная в пыли старуха пытается тянуть Джерика домой. Пес, всящий, пожалуй, столько же, сколь бабка, только сильно помоложе, помускулистее и тверже стоящий на четырех ногах, тянет ее в другом направлении. И, разумеется, побеждает.

Особо отслеживать бабкину борьбу с домашним питомцем не получается – все-таки нечто, так напугавшее собак, еще там. За крепостной стеной, которая заборчик. Спускаем щенят на землю. Жмутся к ногам, не шалят.

Наконец, подъезжает майор.

Из пошарпанного и местами помятого лендровера вместе с ним выскакивает Серега и бывший капитан Ремер, который теперь работает с нами. Они одеты несколько не по сезону – словно сейчас не лето, а морозная зима, да еще и защитными пластинами обвешались.

– Ну, и где ваш собакоморф? – спрашивает майор.

– С чего это вы решили, что именно собако- и именно морф? – подозрительно осведомляется Бурш.

– Элементарно, Ваксон. Сейчас и проверим. Вы держитесь пока сзади, – буднично отвечает майор, перехватывая поудобнее тяжеленное охотничье ружье-автомат.

Они разворачиваются цепью, и мы все идем туда, где щенки напугались.

Вскоре щенки опять начинают беспокоиться и вырываться. Но нам приходится двигаться вперед, успокаивая их – с таким индикатором жить спокойнее, особенно когда рядом какая-то гадость. Морф и из собаки получается жутковатый – видели уже, приходилось, да еще в придачу, не пойми с чего, у некоторых новые навыки появляются. Как у того сенбернароморфа, которого мотопатруль с дерева сшиб. Не мог залезть он на дерево ни за что – а залез и, в общем, грамотно засаду устроил – хорошо, его в голых ветках пулеметчик разглядел. Сейчас-то все зеленое, прячясь – не хочу.

Здесь как раз зелени хватает – это ж практически за чертой города зеленая зона, прибрежная полоса, правда изрядно замусоренная; какие-то гаражные кооперативы, вроде местные вообще это место «Шанхаем» называют. Мне оно известно только тем, что Вовка тут нашел на 18-й день Беды живого парнишку – тот спрятался в туалете бензозаправки, что слева, и там отсиживался. Вроде он уборщиком, что ли, тут работал, вот и ухитрился протянуть на чипсах

и печенье, что с витрины хватанул, убегая в свою фортецию. И даже не свихнулся, просидев столько времени в осаде.

А еще тут площадка, на которой мы занимаемся.

Трое одетых в стиле «не кусай меня, собака» товарищей не торопясь идут перед нами. Мы приотстали – щенки дальше не хотят категорически. Из всех сил не хотят.

Пока мы с ними возимся, ребята, видно, находят искомое – гулко грохают три выстрела.

– Все с этим, тащите Хундфройляйн! – кричит нам Брысь.

– Что там было? – ору в ответ.

– Оно и было, – несколько неясно отвечает Серега.

Собаку приходится брать на руки. Так она чувствует себя несколько увереннее, но все равно старается вырваться. А весит она уже с пуд где-то.

Морф оказывается ужасающим. Я таких не видал раньше, а еще меня пробирает хохот. При жизни животное это было самой мелкой собачонкой – таких в сумочках таскают. Чихуахуа, что ли, порода называется? Кого уж оно съело и как морфировало – мне не совсем понятно, размером оно по-прежнему и до кошки не дотягивает. Челюсти разве что увеличились и удлинились таким клювом. Но вот пахло от него как положено – отчего другие собаки пугались всерьез. Размеры подкачали, а так вполне себе морф. Особенно издалека, да по запаху.

Возникает вопрос – забирать ли эту падаль с собой для отчета, как положено, или нас засмеют? Морф-то меньше кошки.

Брысь принимает соломоново решение: если для отчета и не примут, то в некролаборатории будут рады и такому образцу. В конце концов, крысоморфы еще меньше размерами попадались. Но это не делало их менее опасными и шустрыми.

Серега, тем не менее, хихикает. Ну да, отличный охотничий трофей, голову вполне можно на стенку повесить, а шкуру на ковер пустить. На коврик для мыши.

– Знаете, мне неловко, что мы вас по такому пустяковому случаю побеспокоили, – говорит Бурш майору, пока трупик упаковывают в мешок из черного пластика.

– Глупости не говорите, – невозмутимо отвечает Брысь.

– Почему глупости, – удивляется мой коллега вполне искренне. – Мы вооружены, умеем стрелять, а уж с такой мелкой ерундовиной справились бы. Ее же сапогом раздавить – не проблема, даже без стрельбы.

– Если вас гнетет то, что мы съездили на заявку и ликвидировали бесспорно морфа, то это зря. Нашей группе это в зачет. Если гнетет то, что вы как бы трусили – то это тем более зря. Не говорю уж о том, что это сейчас мы узнали, какой именно был морф, а получасом раньше никто понятия не имел об этом. Потому мог быть и какой-нибудь стокилограммовый мастиф, например, или фила бразильяна, не к ночи будь помянут. Много вы своими пукалками наработали бы. Не говорю о том, что собаченции вам стрелять не дали бы – задали бы лататы, дернули поводками в момент прицеливания... Так что все как должно. Нам ведь никакие потери не нужны, а?

– Да не хотелось бы. С чего вы решили, что это именно собакоморф?

– Тропность. Есть такое слово?

– Есть. Хотите сказать, что именно собакоморф тропен к собакам?

– Точно так. И это для собак сейчас самый страшный враг. На генетическом уровне. Хундфройляйн смелая девочка, видел я ее в деле, и раз она так напугалась – какие еще варианты. Вы мне лучше скажите – зачем вы тетку в пыли обваляли? Она на вас была очень зла, как я видел. Чем это вы женщину так окрысили?

– Она хотела, чтобы мы ее песика остановили и удержали.

– А вы что? Наш Доктор-то уж всяко должен был кинуться на помощь страждущим. Хлебом его не корми, альтруиста. Хоть за фалды держи.

– Вообще-то он вроде бы собирался. Но я не рекомендовал, – Бурш иронично смотрит на меня.

– Ну а что я? Я ж не полез!

– И правильно, – кивает коллега.

– А растолковать? – спрашиваю я, потому что и впрямь интересно.

– Собака – стайное животное. Помните? Ага, помните. Так вот, бабка – она хоть числится этим псом на низшем уровне иерархии, но в своей стае. Он будет защищать себя и свою стаю. Значит, если будем хватать его – он разозлится, а ошейничек у него, к слову, шипованный, так что пусть мадам сама за такой ошейник песика хватает; если тормозить бабку – он опять же разозлится, уже защищая особь из своей стаи. А песик без намордника. Напуган, потому агрессивен вдвое.

– Странно, – хмыкает Брысь, – я считал, что собаке можно дать команду – и она подчинится.

– Только если это нормальная собака и обучена понимать язык. Тогда она команду выполняет. Но то грамотная собака, а этот – дикарь, да еще и тупой. Вот представьте: как бы отнесся майор, если бы я схватил его за шиворот, да еще орал бы что-то на суахили или на чем там любит изъясняться ваш снайпер? Мне кажется, что майор отнесся бы к таким действиям неодобительно.

Брысь посмеивается. Пример ему понравился. Только я подозреваю, что именно на суахили он команды понял бы как раз.

– Похоже, тут все. Поехали? – спрашивает Серега.

– Поехали. Вы, к слову, знаете, где эта собашница проживает?

– Знаю, – удивленно говорит Бурш.

– Значит, подтвердите нарушение пункта о намордниках.

– Может, не стоит давать делу ход?

– Стоит. Поверьте, стоит, – уже неуклюже залезая в машину, отвечает майор. – Вы с нами или остаетесь?

– Лучше пройдемся, – говорит мой коллега.

– А, ну бывайте!

Бурш, обращаясь к нашим щенятам, внушительно выговаривает торжественным тоном: «Сия у нас победа может первая назваться, понеже над морфом псоглавым таковым никогда такой не бывало».

И угощает свою Исиду чем-то вкусным. Приходится не отставать.

Ага, значит, все в порядке, раз он пустился выдавать фразочки на архаичном языке. Любит он таковым щегольнуть, но только в спокойной обстановке.

– Нам здорово повезло, – замечаю я на тот случай, если коллега чего не понял.

– Вы даже не представляете себе, насколько вы правы, – распутывая переплетенные разыгравшимися детенышами поводки, отвечает Бурш.

– Почему же, видывал я уже несколько собак-морфов.

– Половину на снимках других поисковых групп, часть из БТР, а вот в атаке непосредственно на вас сколько?

– Трех.

– Только, увы, тогда вы были в составе охотничьей команды, потому думаю, что не прониклись толком, не восчувствовали, – ехидствует коллега.

– Почему же не проникся? Я, конечно, не знаю, что это за бразильяна такая, о которой майор толковал, но что касается хищников породы псовых – все-таки не совсем уж до ушей деревянный.

– Бразильеро. Фила бразильеро. Есть такие песики – особо крупные, специально выведенные для охоты на человека. Полагаю, вы таких и не видали – их, к счастью, пока еще мало. Кане корсо, мастино наполитано... Как было написано на одном из сайтов, я сейчас процитирую: «Считается, что предки мастино выступали на древнеримских аренах в битвах со львами, быками и другими животными, включая христиан».

– Что, так и было написано?

– Слово в слово. Ручаюсь.

– Мда, и раньше знал, что собашники – люди, головой бабахнувшие...

– Полегче, коллега, полегче. На тот случай – если вы не заметили, – тут Бурш ехидно подмигивает, – вы как раз разговариваете с собашником, да и сами вы собашник. Хотя отчасти вынужден согласиться: кретинов среди собаководов много. Причем особенно у нас. Не так давно знакомым подарили как раз такого песика, из перечисленных. Группа пород «собаки с особо мощным вкусом». Так представляете, вероятно. Вот им песика подарил разочаровавшийся в нем банкир – представьте, за три месяца на даче песик никого не разорвал. Пикантно?

– Не очень. Собачьи укусы я видал, лечить даже приходилось.

– Чьи, к слову, укусы были? – профессионально интересуется Бурш.

– Кокер-спаниель, пудель, овчарка.

– Несерьезно. Собачки-то, мной названные, специально предназначались людей драть. Но при этом те, кто породы выводили, все-таки с головой дружили, потому старались вколотить псам, что не каждого человека надо рвать, а только того, на кого хозяин укажет. А у нас очередной придурок с деньгами покупает такое мощнейшее оружие – на манер гранатомета, пожалуй – и при этом еще и не доволен, что его гранатомет сам по себе не стреляет, когда вздумается. Ему даже в голову не приходит, что в случае такой неуправляемости он сам – первая мишень. Потому как именно он рядом всегда. К слову, владельцы и их семьи как раз чаще всего страдают. Не надо далеко ходить – виденная нами старуха по краю ходит: ротвейлер вообще мужская порода, то есть признает над собой только еще более brutального самца, чем он сам. А уж ротвейлер – brutальный до чертиков. Значит, бабку обязательно накажет как-нибудь.

Бурш задумчиво смотрит туда, куда пес уволок свою «хозяйку» и продолжает грустно:

– К тому же многих собак надо выгуливать как следует – чтоб устали, а не до кустиков и обратно. Тот же ротвейлер – ком мышц, мышцы работать должны. Иначе собака дуреет, мощь ее распирает. И с алабаями та же история – пять часов в день выгуливать надо, и с кавказцами, даже с мелкими стаффордширами и бультерьерами... Да, впрочем, ладно, что я тут лекции читаю. Нашим-то мамзелям гиподинамия не угрожает.

Мамзели действительно носятся вокруг нас как заведенные.

Настает время расставания – Буршу на дежурство, а мне домой надо. Выспаться.

Думал, что вот теперь будет не до компьютера, так режим дня восстановится. А черта лысого со свиристелками. Еще и ночь вышла какая-то дерганная, спал кусками, с утра словно из меня всю ночь веревки вили. И вроде бы ничего такого особенного, банальное дежурство, вполне все рутинно – то одно, то другое. Но встал как с левой ноги и вообще...

Глава 4. Выезд

Надежда Николаевна уже отужинать изволила, чай пьет. Сообщает последние новости: грибы у меня получились полиэтиленовые, ни вкуса, ни запаха, а вот мясо удачно. Притащила две бутылки какого-то навороченного вина – премировали ее за качественную работу, предлагает завтра устроить пирушку, если день пройдет хорошо; к слову, Лихо Одноглазое приносил тут квартплату – мыша задавленного.

– Наверное, тоже к завтрашней пирушке пристроиться хочет?

– Возможно. А почему вы его не кормили сегодня?

Я удивляюсь. Отлично помню, что кормил.

– А с чего вы решили, что скотина не кормлена?

– Мявкал требовательно, все ноги собой истер и полную миску умял, когда насыпала.

– Удивляюсь, куда в него влезает. Кормил я его, проглот. Лихо! Морда твоя несытая, явись!

Куда там, явится оно. Оно уже дрыхнет. Без задних ног. Да и передних тоже.

Впрочем, коты они – загадочные твари.

Слышал, что некий кот сожрал четыре кило шашлыка. Его взвесили – вес получился ровно четыре кило. Так все и остались в недоумении – куда делся кот, если именно он сожрал шашлык. Но против нашего Лиха – тот кот так, новичок зеленый.

Идея устроить пирушку мне определенно нравится. Давно как-то не было пирушек. А вещь – полезная. Мне вот, помнится, недавно Бурш глаза открывал, когда растолковывал, как щенка к коту приучить – дескать, если животные в момент приема пищи видят друг друга, то отношение их друг к другу улучшается. Условный рефлекс по Павлову – в момент приятственного приема еды видишь другое существо – и оно записывается в подкорку, как тоже приятственное.

Я тогда сильно поразился, как, оказывается, просто объясняются человеческие пиры, семейные обеды и торжественные праздники. Тот же рефлекс. Черт возьми, не далеко мы от животин ушли, который раз убеждаюсь... Цари природы, да...

Спрашиваю соседку: какие пожелания к меню завтрашней пирушки?

На секунду задумывается и потом говорит заговорщицки: «А сделайте мне сюрприз!» Приходится смотреть, что там за вино. Французское сухое и итальянское полусладкое. Насчет того, что страшно дорогое... ну, не знаю. Виноторговцы – те еще штукари, а уж посредники и перекупщики – совсем чума. Ладно, будем думать. Но это завтра. А на сегодня – отбой.

Кот дрыхнет, щенок дрыхнет, а я что – рыжий?

Желаем друг другу спокойной ночи – и расходимся по комнатам. Все, баинькать.

Утром неожиданно выясняется, что на Блондинку двинет конкурирующая фирма, практически такая же ягд-бригада, что и наша, «только они там все придурки», как охарактеризовал их Вовка. С чего он так решил – не знаю, на мой взгляд, мужики как мужики.

Нас посылают в составе серьезной бронегруппы, которая идет за какой-то важной добычей, а мы попутно должны добыть свой маленький кусочек счастья – главврач утверждает, что аккурат там же есть очень недурная лаборатория. Вот эту лабораторию нам и надо будет посетить с расчетом на реактивы и кое-какое оборудование. Для меня это весьма волнительное поручение – ни разу не был в том районе, понятия не имею, что за лаборатория – даже не слышал. Совершенно не разбираюсь в том, что за оборудование надо брать, и вообще – это майор привез черт знает что в плане реактивов – и проскочило, а мне нельзя ошибаться, реноме упадет. Но даже моих знаний лабораторной номенклатуры достаточно, чтобы понять

– все заказанное целиком относится к разряду выявления тех самых болезней, которые не от нервов, а от любви.

Коллеги в клинике поговаривали, что, видимо, нам светит очередное реформирование в свете того безобразия, что вокруг творится – дескать, будем работать как врачи китайского императора. А те получали жалованье, только пока император был здоров, а как только заболел – жалованья лишались за недогляд и небрежение обязанностями, пока царственного пациента не вылечат. Ну, да это старая песня – вроде, Пирогов говорил, что «фунт профилактики стоит пуда лечения», да это, собственно, никем и не оспаривалось, и дурацкая метода советского периода – когда чем больше больных, тем лучше работают врачи – сейчас никак не катит. Тут я мысленно даю себе пинка – советская-то метода профилактики как раз уважала. В общем, некогда думать, работать надо. Пока ситуация в Кронштадте мутная, вроде бы определилось несколько центров силы, наиболее мощный из которых штаб базы, но военного коммунизма не вышло, все проконтролировать штаб не успевает физически, потому есть разброд и шатания. Другое дело, что пока ресурсов хватает с походом и контроль не всегда требуется.

Но тут проблема – какие ресурсы нужны немедленно и кого направить для их добычи. Судя по тому, что я вижу, явившись к месту сбора, нашим попутчикам надо будет брать под контроль что-то очень солидное – например, нефтебазу или что-то в этом духе. Техники десятка три единиц, никак не меньше, причем пять штук БТР, остальные – упакованные по местной моде грузовики: с защищенными сеткой стеклами, затянутыми рабицей кузовами и бойницами, позволяющими из кабины нанести урон любому нахалу. Вовка толковал, что и брони какой-никакой навешали – бронеспинки, двери. Должен отметить, что сделано все аккуратно, я бы даже сказал – элегантно, не те самопальные чудовища, которые особенно часто можно видеть около барахолки – вот уж там такие шушпанцеры [1] порой попадаются, что впору вспоминать жутковатые одесские танки «НИ» [2].

1. Шушпанцер – название всяких бронированных уродцев и вообще необычной и удивительной бронетехники, предложенное блогером и писателем А.Мартьяновым.

2. НИ – «На испуг» так назывались трактора с самодельным бронированием и легким вооружением, использовавшиеся при обороне Одессы.

Вот уж где разгулялась кошмарная фантазия наших мужчин – бронирование чем попало, вплоть до кровельного железа, самые дикие формы и причудливые технические решения. В фантастических фильмах такого не увидеть было, а тут... Но ведь дизайнерам всяких ужасиков не требовалось делать транспортное средство очень быстро из подручного хлама, да еще при непосредственной ежеминутной угрозе жизни. Жить захочешь – еще и не так замяукаешь...

Глава 5. Типовая мародерка

Колонна выкатывается точно в десять утра. Мы прем третьими с конца. Ловлю себя на том, что когда идешь в мощной группе, поневоле становится приятно. Душу греет вид такого ударного кулака. Немного смешно вспоминать то время, когда мы с моим приятелем Сашей неумело, но старательно пытались действовать боевой парой. Черт, страшно давно это происходило – в первую ночь Беды, когда город был еще жив, когда все еще было вроде как всегда, но это было последним мигом – словно в падающем самолете, где все нормально, все как должно, все благополучно, но ничем не остановить смертельного удара о землю. Жутко тогда было.

Сейчас-то совсем иное дело: и люди вокруг толковые, проверенные, и опыт уже есть, да и оружия в колонне хватает. Зомби не такой уж и страшный противник. Просто их очень много...

Тут я мысленно даю себе подзатыльник. Противник страшный. Вездесущий. Даже твой близкий друг может в момент стать таким врагом – тому примеров полно было, да и сейчас еще бывает. Рекомендации по безопасности в быту не то что разработаны, а уже и опубликованы и распечатаны и доведены казалось бы до всех, но безалаберной публики у нас хватало всегда – и в городе то и дело происходят инциденты самого глупого свойства. Последний нашумевший, когда придурковатая девочка, заигравшаяся в готичность или привыкшая таким способом шантажировать свою мамашу, повесилась дома. Мамаша кинулась снимать рыпающуюся в петле дочу, забыв о том, что теперь мертвец вполне себе шевелится после смерти. Доча маму тяпнула, мамаша кинулась за соседями, доча за мамой... На ровном месте потеряли четырех человек, не считая дуры готичной. Да и мало ли где человек может помереть. В больнице вон на ночь пациентов тяжелых ненавязчиво привязывают к кровати. А то и там были случаи.

– Слушай, мне тут мысль в голову пришла! – перекрикивая гул мотора, заявляет мне сидящий рядом Саша.

– Гони ее палкой!

– Не, погоди. Я серьезно.

– Ну?

– Вот ты Стругацких читал?

– Ну?

– Так вот помнишь, у них были такие – прогрессоры. Наши люди со светлыми гуманными идеалами, пытающиеся подтянуть до уровня Мира Полдня всякие разные недоделанные цивилизации на вновь открытых планетах? Про это у них много где было: и в «Трудно быть богом», и в «Обитаемом острове». Помнишь?

– Помню. А это ты к чему?

– Погоди, а то не сформулирую толком, – Саша застенчиво улыбается.

– Нам пилить на такой скорости минимум полчаса по безопасной зоне, так что времени хватит, – успокаиваю я его.

Сидеть на теплой броне приятно, день начинается солнечный, свежий, летний, воздух тут вкусный, морем пахнет, даже намека на трупную вонь нету. Но скоро нанюхаемся. Трасса тут зачищена, патрулируется, так что обидеть нас вряд ли кто сможет, да и смотрим мы на обочинки, смотрим. Уже привычно взгляд прочесывает прилегающие к дороге участки.

– Так вот, про прогрессоров. Это в Советском Союзе было положено относиться к другим по-человечески. Лечить там всяких аборигенов, учить, вытягивать им экономики. У Ефремова, кстати, то же самое было в «Часе Быка»...

Начитанный все-таки парень этот Саша. Даже странно. Ишь, разволновался, покраснел.

– Но ведь возможно и обратное. Об этом не писалось в нашей фантастике, потому как человек человеку друг, товарищ и брат. Потому всяких разных аборигенов надо тянуть в человеческую жизнь, – продолжает он.

– Ну да, без голодухи, инфекционных болезней, нацизма, с всеобщей грамотностью и поголовной диспансеризацией. Это ты все к чему ведешь?

– Да к тому, что если были настроения насчет прогрессорства, то почему бы не допустить, что у кого-то обратно же могло быть – регрессорство. Я обо всей этой гаже вокруг – Саша делает широкий жест рукой, охватывая половину колонны, чахлый кустарник и камыши на островке в полусотне метров от трассы с куском Финского залива.

– Полагаешь, злые инопланетяне прикинули, что человечество чересчур разыгралось, и подкинули нам эту хренотень? Дескать, бэк ту средневековье?

– Пока у нас нет внятного объяснения всему случившемуся – почему бы и нет? Регресс-то налицо, а? А потом я читал рассказик – там промышленный магнат оказался инопланетянином, ради своей планеты старался, работая в скафандре «под человека». Болел и страдал, потому как обмен веществ у него был другой, и надо было для подготовки к колонизации, чтоб в атмосфере стало побольше окиси углерода, серы и прочих тяжелых металлов. Вот вся его деятельность и вела к тому, чтоб загадить Землю погуще и сделать ее атмосферу пригодной для своих, под себя подогнать...

– Саша, ты сейчас такого наговоришь, что вполне потянет на добротную хоррор-фантастику.

– То есть считаешь, что я ерунду говорю?

– Нет, ты не обижайся. Мы пока не знаем же, что тут у нас стряслось, так что все версии вполне годятся как рабочие. Вон этот бородатый связист, что нас обучал работе с рацией, помнишь, толковал, что ведьмаки – это как раз охотники на морфов и сами, что характерно, морфы. И даже их замок, Каэрен Морхен, на самом деле просто искаженное селянами Каверн Морфен, то есть Пещеры Морфов? И стрыги, дескать, тоже морфы, но обратимые еще?

– Связиста помню. А ведьмаки – Сапковский, что ли, да?

– Ага, пан Анджей. Но с моей колокольни все и гаже и проще: тут нам и инопланетян не надо, люди вполне себе за свою историю регрессорством занимались – токо в путь. Это Советский Союз такой странный был, остальные нормальные страны отлично соседей гнобили как могли. А уж метрополии как свои колонии регрессировали – просто песня.

– Но ведь и цивилизовали же, не только регрессировали!

– Ну, шутишь. Вон, запомнилось: Бельгия так колонизовала и цивилизовала Конго, что там за 20 лет треть населения передохла. А уж фотографий негров, которым за плохую работу руки отрубали, было полным-полно. И рубили вполне себе цивилизованные бельгийцы. Гуманные такие. Конго до сих пор в себя прийти не может. Так что знаем мы регрессоров. Тут только начинай перечислять, пальцев не хватит. Инки, майя – куда делись? Чистое регрессорство. Или те же пруссы. Где они? А можно еще тех же индейцев вспомнить. Или тех, кто на Тасмании жил. Так что цивилизованные европейцы – заслуженные регрессоры.

– Думаешь, эта чума от зарубежных друзей?

– Пес их знает. Но не удивлюсь ни разу. Они заслуженные людоеды, со стажем. Им, цивилизованным, вырезать кого – раз плюнуть. Только смущает, что очень уж активно их собственное население передохло. Анклавы-то в Европе – кот наплакал.

– Это бородатый рассказал?

– Ну да. Тут же узел связи работает, да еще куча коротковолнников при узле.

– И что, много желающих?

– Полно. Даже поиск родственников наладить ухитряются, представляешь?

– Честно говоря – не очень. Хотя... Я ж сам летал, рации сбрасывал выжившим.

– Так твои родители и не собрались сюда выбираться?

– Неа. Пока урожай не соберут – с места, сказали, не сдвинутся. Дача, дескать. Поправка здоровья на свежем воздухе.

Я успеваю подумать о том, как все же здорово вышло, что мои родные в самом начале, когда опасность из-за своей неожиданности и невероятности, из-за всеобщей растерянности и действий по правилам мирной жизни была максимальной, оказались в безопасных местах. Родители – на даче. То есть в избе глухоманной деревушки в десяток домов. Братец – в своем судебно-медицинском морге, укрепленном как квартира нового русского. Повезло. Повезло, как мало кому в тот день.

Колонна въезжает с дамбы на Большую Землю, и теперь надо держать ухо востро. Благодусный настрой слетает в момент, когда передние бронетранспортеры, разом встав, начинают молотить из своих пулеметов вправо – там поле с низенькими жидкими кустами. Мне плохо видно, что там происходит, только трассирующие пули чертят низко над землей. Потом из кустарника колченого кидается прочь здоровенная туша, струи трассирующих пуль стремительно сходятся в одной точке, в боку этой твари, туша неуклюже прыгает в странном пируэте, пытаюсь соскочить с лезвий пулеметных трасс, трое пулеметчиков-башнеров оказываются к этому не готовы и теряют цель, впустую молотят вдаль. Но одному удается, и он неотрывно ведет тушу струей пуль. Туша не выдерживает такого угощения, вяло тыкается в землю и медлительно переворачивается. Обмишурившиеся пулеметчики берут реванш, опять вонзая в мертвечину зеленые и красные трассы, хотя даже мне ясно, что уже все закончилось, морф готов. Один из запоздавших даже дает короткую очередь из крупнокалиберного – с моей колокольни это уже совсем зря.

Сергея в этом развлечении не участвовал. Наоборот, развернул дудки нашего бронезверя в противоположную сторону. Да и, опять же, четыре пулемета на морфа – и так достаточно густо. Разумеется, морф – цель первоочередная и валить его положено сразу, как только засекаешь, но нам в таком соревновании не светит – штабники обязательно засчитают объект своим башнерам, а нам достанется шиш с перцем. Как уже бывало, к слову. Мы все же для моряков – чужаки. Полезные, нужные, но чужаки.

Потому не стоит и напрягаться. Мы и не напрягаемся.

Напрягаться приходится чуток позже. Вовка вывел БТР «Найденыш» к той самой лаборатории, которая была целью, следом за нами свернуло два грузовика. Вот тут и напряглись. Лаборатория оказалась частью новодельной частной клиники с уклоном в кожвенболезни, сама клиника была расположена в спальном районе, и в поле зрения мертвяков оказалось многовато. Что хорошо – шустеров не заметно, и морфов тоже не попало ни одного: все, кого видим – первичные, неотожранные. Раньше мы бы закатали пальбу, а теперь, зная, что на грохот выстрелов подтянутся все соседние мертвяки, стараемся без нужды не шуметь.

По уже отработанной методе – оставляя на броне обоих снайперов, а в броне группу огневой поддержки – рассыпаемся по тройкам. Сейчас чистильщики уберут лишних свидетелей нашего вторжения в частную клинику и под прикрытием пулеметов БТР, снайперов и тех, кто сейчас готов открыть огонь из бортовых бойниц «Найденыша», будем таскать вместе с приданными грузчиками все, что покажется полезным.

Чистильщики у нас – третья и четвертая тройки. Первая тройка считается броняшной – это снайпер Ильяс, водила Володька и пулеметчик Серега. Вторая с чего-то именуется хворой командой – может быть, потому, что в ней новенький по кличке Енот, да мы с Надеждой.

Третья тройка – тот самый бывший капитан Ремер, Саша и курсант Ленка из Дзержинки. Вот как раз сейчас они шустро выметают пространство перед клиникой, хлопая из странноватого вида агрегатов – на самом деле агрегаты как раз простенькие до удивления, это банальные наганы с самодельными глушителями. Глушители – тоже не венец инженерной мысли, а слегка переделанные брамиты, то есть глушаки системы братьев Митиных. Достаточно было помудрить нашим ремеслам, Вовке с Сергеей, и вуаля – разжились вполне приличными для повседневной работы хлопушками. Майор, правда, тоже в этом деле участвовал, не знаю насколько

уж сильно, но Серега после этого стал относиться к нашему новому начальству с явным уважением, что само о себе говорит – очень уж Серегу удивить трудно.

Патроны к хлопушкам приходится делать самостоятельно, уменьшая пороховую навеску, пули опять же самолитные, но тут никуда не денешься – звук выстрела получается тихим, зомби на него не реагируют, так что явный профит. Кроме того, выгода еще и в том, что патроны ослабленные, пороха экономия, хотя найденный ребятами из МЧС склад боеприпасов дал безумное количество патронов, но все патроны к СКС-ам, которых тоже на том складе дикое количество. И прошибает такая пуля кирпичную стенку. Так что для многих наше самодельное производство патронов выглядит нелепо. Ну да пушай клеветают, зато нам работать проще.

Бесшумки-то у нас есть еще, успели разжиться, да беда в том, что либо патронов к этим агрегатам у нас не густо – как, например, к Ремеровскому «Винторезу», либо ресурс самих агрегатов маловат, как у двух моих больничных трофеев, оказавшихся пистолетами-пулеметами «Каштан» с приборами малошумной стрельбы. Глянули наши стрелки на новое приобретение и решили не спешить с его использованием – дескать, хлипкое оно для многодневной стрельбы. А для таких сугубых редкостей, как доставшийся мне в родительской деревне револьвер ОЦ-38 под какие-то совсем редкие патроны СП-4 (я с испуга даже запомнил все эти аббревиатуры) – и вообще боеприпасов не найти. Потому наганы тут в самый раз: хлопают тихо, стрелять будут вечно. А патронов мы наделаем – пока материала хватает.

И, как показывает опыт, это самое оптимальное при ювелирных зачистках, которыми, собственно, мы и занимаемся. А вначале и нажигались – например, когда приволокли в клинику десяток навороченных дорогуших мониторов наблюдения за состоянием больного. Новехоньких, в нераспечатанных коробках. И шесть из них оказались пробитыми одной-единственной пулькой от калашниковского УС патрона. Вусмерть.

Майор, на которого я как раз гляжу, машет мне рукой – пора лезть внутрь. Его товарищи по четвертой тройке уже у входа. Замечаю, что у всех троих охотничьи ружья. Ну да, так обычно в помещении – картечь куда как лучше годится. Только у майора и Андрея тяжеленные и дорогушие автоматические дробовики, а вот воспитанник Демидов держит в лапах коротенькую двустволку. У мальчишки странное отношение к этому ружью: с одной стороны, этот недообрез с прикладом ему почему-то очень нравится, с другой – при выстреле, а уж тем более дуплете худосочного Демидова снесет на фиг отдачей. Ясно, что он там как оружие последнего шанса, на худший вариант событий.

Двери не закрыты. Первым лезет майор, потом Андрей, ну и я следом. Привычная сцена предсмертного хаоса в чистеньком беленьком холле. Чья-то кровища на стенах, рваная бумага, нелепо выглядящие в полутьме картинки на стенках, стойка, перевернутые массивные кресла, разнесенный вдрызг столик для журналов. Скорее мы бы удивились, увидев тут порядок.

Фонарики на касках и стволах ружей дают вполне достаточно света, а поднятые шторы позволяют и без фонарей обойтись. Пока не выключаем. Меня прикрывают, ищу схему эвакуации при пожаре. Должна быть тут где-то.

– Доктор, коллега! – окликает майор.

Оглядываюсь несколько нервно. Из-за стойки встает подранный изрядно мужик без лица. То есть мягких тканей у него нет и одного глаза. Голубой, когда-то щеголеватый медицинский костюм тоже разодран и густо залит уже ссохшейся кровицей. Страшноватое зрелище, этакий нарядец для Хеллоуина. Упокаивать, наверное, мне придется – ну да, они так с ружьями и стоят. Ладно, не гордый.

Тяну из перешитой корявой кобуры ПБ, который на выездах таскаю уже в собранном состоянии – некогда тут играть в кинематографического киллера, привинчивая глушитель. Мертвяк медленный, неуклюжий из-за долгого бездействия – простая цель. Валится обратно за стойку. Пистолет пока не убираю, мало ли что.

Схемка эвакуации находится, наконец, на стенке. И по схемке можно легко сориентироваться, что тут где расположено и где входы – удобно начинать с плана. Получается, что выгружать оборудование проще с хозяйственного хода, который за углом здания. Майор с Андреем проходят вперед.

На этот раз нам везет – еще двое попавшихся в кабинетах и коридоре зомби – такие же, как и врач из холла: только что из спячки, медленные и тупые. Опять бахать приходится мне, как самому тихому. Все, чисто в клинике. Открываем дверь на улицу, благо замок позволяет обойтись без лома и мощного вскрывателя, сделанного монетодворскими умельцами.

Иду к основному выходу.

Ага, третья тройка продвинулась за угол – к черному входу. Там небольшая детская площадка, и оттуда грузить будет проще, чем таская все через парадный.

Следом за ними идем мы с Надеждой. Техника перемещается туда же, из грузовика опасно вылезают водила и пара мужиков-грузчиков. Второй грузовик встает поодаль, и сидящие в его кабине мужики, видно, решают, что могут устроить перекур, пока загружается первый грузовик. Ильяс живо выковыривает их оттуда и заставляет участвовать в погрузке.

– Быстро загрузимся – быстро уедем, – говорит он им.

Чувствую, что взмок. Оборудования много, и большую часть я в глаза не видывал. Ну, изучал я лабораторное дело, было такое, только не вникал совершенно, на фиг это было не нужно – я же лаборантом работать не собирался. Надька, видно, замечает это и выручает очень вовремя. Совершенно неожиданно для меня она оказывается отлично сведущей в лабораторном хозяйстве. Пока она командует, что брать в первую очередь, что потом, я занимаюсь отсоединением агрегатов от сети, друг от друга и на скорую руку заматываю хрупкие вещуги в упаковочный пупырчатый полиэтилен и картонные коробки – было уже, когда ценный груз в ходе доставки мялся и бился, что вовсе не увеличивало его ценность. Таскать приходится много, но аккуратно, топот, сопение и невнятные матюги – часть оборудования тяжеленная и неудобная для перетаскивания без кантования и роняния – особенно непросто с лабораторной мебелью, которую Надежда тоже рекомендует взять – причем делает это тактично, мне на ухо. Понимаю, что для грузчиков все выглядит как то, что главный тут я, а она просто транслирует мои указания. Наших это не обманет, конечно, но они-то как раз сами участвуют в заговоре – очень им всем не понравилось, когда меня в больницу загребли.

Через некоторое время вижу новые физиономии – первая тройка явилась на подмену и заодно размяться. Ильяс зычно подгоняет грузчиков, хотя те и так стараются.

Хитрое кронштадтское руководство ввело несколько градаций карточек, да к тому же еще и положение о привилегиях обнародовало. Вот люди и стараются.

Ходят упорные слухи, что в ближайшем же будущем введут статус граждан Северо-Западной Российской Федерации, причем гражданство дает много всяких приятных мелочей – и не мелочей тоже. За прошедшее время – да, пожалуй, и в покойном ныне Советском Союзе – понятие «гражданин» здорово поусохло, выветрилось, и все, что давало гражданство, казалось совершенно естественным и потому никем не ценилось. Подумаешь – медицинское обеспечение бесплатно, образование бесплатно, защита опять же от уголовников и всякой сволоты, которая вполне поживилась бы тут у нас всяким вкусным, явившись из-за рубежа. Ну, а в Российской Федерации – и подавно. Даже и слово такое стало чем-то неприятным – даром, что ли, милиционеры при задержании обращались именно так: «Пройдемте, гражданин!»

Знали бы, каково живет большей части населения земного шара – может, и ценили бы. А так – смотрели все больше на витрины США и Европы. (Золотой миллиард, ведь вы этого достойны!) Опять же не слишком интересуясь тем, что и там на задних дворах происходит и в упор не видя того, что из всей нашей биомассы в Золотой миллиард пустят малую долю процента. Оно, конечно, печально, что у нас не было микроволновок, стриптиза и трех машин на семью, зато не было и наркоманов, бандюганов, тысяч бомжей и беспризорников и такого

количества проституток. Что лучше, что хуже... Кстати, для большинства нашей публики уровень жизни так европейским и не стал. А сейчас я уже точно знаю, что парижские клошары воняют ровно так же, как и наши. Да и берлинские бездомные – тоже.

Теперь, видно, будет опять как в Риме или Греции – гражданин имеет кучу всяких благ, которые не граждане по определению иметь не могут, но и спрос с него особый. А что, вполне разумно. Тем более что очень многие успели убедиться на своей шкуре (что было особенно поучительно): ровно никаких прав человек вообще-то без государства за плечами не имеет. Никто и звать никак, и обидеть его может каждый, кому только охота такая будет. И обижали, что характерно.

Потому как человек в одиночку – слаб и незащищен, каким бы крутаным крутанцем он не был. И спать ему надо, и видит он не на 360 градусов. Потому уязвим. Когда окружен семьей – сила его возрастает. Становится его силой сила всего рода. Сольется несколько родов в племя – суммируется мощь, еще сильнее человек становится. А объединившись с другими в государство – получает куда большие возможности для улучшения своей жизни. Одна беда: чем больше людей, тем больше всяких ловкачей – это в крестьянской семье не полодырничаешь, а в большом государстве возможностей пофилонить куда как больше. Да и соседние государства стараются подножку подставить, людишек всяких нанимают. Вон, помнится, читал перед самой Бедой рассуждения наших правозащитников, из которых получалось, что вообще практически любой человек вполне имеет право получить гражданство РФ сходу, где бы он ни родился и чем бы он ни занимался. Причем обязанностей перед этой самой РФ гражданство, по мнению правозащитников, не требовало. Ну, как это у них всегда – права есть и безграничные, а обязанностей – нет. Никаких. Тебе должны, а ты свободен, кому был должен – всем прощаю! С чего именно наше государство должно делать странный шаг – давать гражданство всем подряд, чего не делают нигде – это вопрос любопытный был... Особенно когда вспоминаешь, что Великий Рим помер от такого набора в граждане всех живших на окраинах варваров.

Когда погрузка уже подходит к концу, с улицы доносится короткая басовитая очередь крупнокалиберного. Начинаем таскать добро бегом. На улице потихоньку-полегоньку начинает нарастать стрельба. Это-то понятно: на нашу суету приперся очередной морф, иначе не стал бы Серега дефицитные крупнокалиберные патроны жечь, а на грохот начали сползаться местные жители – любят они на шум переться. Значит, затикал таймер. Дальше уже по проверенному сценарию – чем дольше стреляешь на одном месте, тем гостей больше.

– Все забрали? – кричит от входа Демидов.

– Почти все! Густо валят?

– Терпимо! Минут десять еще есть. Токо грузовики уже битком, считай!

Ладно, вроде бы и впрямь все уволокли, что попало на глаза и было в списке.

Галопом вместе с Вовкой и Надей пробегаем по пустым кабинетам, сгребая все подходящее. Вовка ухитряется найти в одном из брошенных кабинетов две бутылки коньяка, забирает их с собой. Демидов уже горланит отход. Пальба идет густо – хотя наши бьют пока одиночными, не дошло еще до очередей, но и одиночными садят часто. И не из бесшумок уже.

Все, пора. Теперь уже точно – пора.

Грузовики начинают трогаться с места, мы в установленном порядке шустро грузимся в свой БТР. Я все-таки зацепился коробкой с одноразовыми шприцами за броню, чуть не выронил. Все, загрузились, движок взрывается, поехали.

Вообще-то БТР-80 вмещает в себя по плану одиннадцать человек. Нас тут двенадцать, да с коробками. Правда, Демидов – тощий подросток. Зато наш новичок со странным прозвищем Енот занимает куда больше места, чем ему положено – нога у него после перелома бедренной кости еще не в порядке, потому он и сидит на заданиях сиднем в БТР, а ходит с костылями. Но как стрелок он хорош и напротив его амбразуры лучше зомби не болтаться.

Глава 6. Новые люди в команде

Приобретение как раз с того боя, когда зубы Ильяс потерял. Крепко мы тогда вляпались, чудом выжили. Нарвались в незнакомом месте на засаду, потом чуть в горящей квартире не поджарились. И этого парня с перебитой ногой полночи таскали с места на место – я думал, он не дотянет до больницы. Живучий оказался. А я его потом в больнице и не узнал: вот, говорят – ваш парень из Охотничьей команды. Я гляжу – худенький подросток лежит, незнакомый совсем. Нога на скелетном вытяжении и груз такой нехилый привешен – явно больше 10 килограммов, что многовато для подростка. Хорошо, не ляпнул чего, не подумав – научился уже язык удерживать при людях, а то раньше все себе наживал неприятностей.

Поздоровался, присмотрелся и понял: нет, не подросток – он уже мужик, молодой, но мужик, просто жилистый, худощавый очень – вот за подростка и сошел, конституция на первый-то взгляд обманчивая. Нос перебит не по одному разу, да и на короткостриженной голове шрамы тоже видны. Физиономия грустная, глаза такие глубоко карие. Выразительные и тоже очень печальные – девкам такие нравятся, вид лицу придают романтический.

Поспрашал я его о том о сем, как пациента, ушел в недоумении. Кто такой, почему не знаю?

Потом только до меня доперло – он из той непонятной разведгруппы армейской, которую их же начальство и списало, подставив очень серьезно. А заодно и нас с Ильясом, дураков лопоухих. Осталось от этой группы два человека – бывший капитан Ремер да вот еще этот Енот, а остальных мы потом съездили и похоронили, закопав скрюченные горелые трупы в мерзлую землю на забытом богом пустыре.

Ночью-то, да в стесненных обстоятельствах, я его закопченную грязную мордочку не запомнил совершенно, а он вон какой оказался. Мне тогда главное было его живым с рук долой сдать, сработали чисто скоропомощные рефлексy, а к охоткоманде я его причислил, чтобы только не заморачивали вопросами ни при доставке через Финский залив, ни в больнице. А он тоже затихарился, прикинулся шлангом.

Правда, это он такой смиренный, печальный и легкоранимый только с виду, как мне кажется. Во всяком случае, из больницы его выперли с некоторым скандалом – две медсестрички из-за него повздорили до драки. (Самое нелепое зрелище – женская драка, доложу я вам!) И когда наш майор представлял нам нового нашего сотоварища, мне не давало покоя, что очень он мне напоминает кого-то. Как только его сослуживец Ремер отрекомендовал его как человека с позывным «Енот» – картинка и сложилась. Ну, точно – именно енот!

Раньше у него позывной другой был, а тут, видно, на запасной вариант перешел. И метко же сказано. Енот тоже с виду грустный такой, печальный взгляд черных больших глаз, и сгоряча тянет его погладить, пожалеть – ан он за это легко может тяпнуть. Зубы у него острые, характер вредный, непоседливый, всюду ему интерес есть и лазают повсеместно. Опять же, легко приберет, что плохо лежит, а что хорошо лежит – легко переведет в категорию «плохолежащего», да еще дрессировке не подвержен совершенно, чего женщины в этой милой пушистой грустнoглядящей зверюшке в упор не видят...

А когда оказалось, что у него просто болезненная чистоплотность, и постирушку для него затеять – удовольствие, то тем более я убедился в точности прозвища-позывного.

Попутно выяснилось, что человек он – виды выдавший и весьма удивил нас на первой же совместной вылазке вопросом о том, почему мы не предупреждаем друг друга о том, что патроны кончились, и надо перезарядиться. Мы как-то задумались. Вот он тогда и удивил нас простым предложением: в случае, когда патроны кончились, громко предупреждать окружающих каким-нибудь коротким и ясным в пальбе словом. Например – «пустой!». А как зарядил – словом «готов!»

Так на вооружение и приняли. Потом из разных деталей вылезла твердая уверенность, что повоевать ему довелось много. Во всяком случае, майор и к Ремеру, и к Еноту стал относиться с подчеркнутым уважением, чего поначалу не было. Какое там уважение к остаткам разбитой группы, которую так слили...

К слову, прижился он в команде получше Ремера. Тот все-таки простоват – толковый офицер, вояка вполне себе годный, но вот хитрить не умеет, прямой как рельса. Енот же иного склада: вывернуться может из неприятной ситуации, да при том еще и навьюченным всяким полезным из этой ситуации выйдет.

Пришитого очередью к стенке дома морфа ни забрать, ни толком снять на видео из амбразуры десантной не получается никак – сполз вниз и обмяк, а там травища вымахала по пояс. Никто газоны в брошенном умершем городе не косит, бурьян попер за милую душу, что доставляет хлопот в работе. Не видно – кто там в бурьяне притаился. Подъехать поближе мешают массивные древние скамейки и всякие железные качели-карусели с оградками.

Пешком идти – уже поднаперлось зомби с окрестностей. Сам по себе этот морф совершенно типовой и легко поддается классификации – средний, зооморфный, «прыгун», а потому для некробиологической лаборатории, с которой у нас очень теплые взаимоотношения, никакого интереса не представляет. Но для боевых групп каждый морф – это добавка к довольствию. Обычных зомби никто особо не считает, разве что есть такой странноватый подполковник при разведотделе Кронштадтской базы – вот он все время спрашивает у всех результаты именно по обычным зомби, но считать – кому охота.

Главное, расчистить площадку для мародерки, да чтоб грузчикам не мешали. А остальное – не важно, слишком в пятимиллионном раньше городе зомбаков много. А считая с собаками – тем более. Морфы – это да, учитываются, а простая нежить – на пучок десятков. Как самый слабый стрелок, но штатный видеооператор, лезу быстро из верхнего люка, снимаю полуголую тушу в траве и ныряю обратно.

Майор у нас в этом плане – педант. Опять же строго следит за отчетностью и требует максимальной точности. Его девиз: «Мы, как эти тупорылые скинхеды, должны снимать каждого, кого завалили. Им это было нужно, чтоб их уж точно посадили, а нам – для архива. Никто не знает, что потом будет интересно. И тут должно быть точно – вон, наши предки, когда ломали очередную немецкую самоходку, то со спокойной душой, не утруждаясь разбирательствами, записывали в счет под именем „Фердинанд“, а не „Насхорн“ или там „Хуммель“. А сейчас набежало есторегов – дескать, „Фердей“ было всего до сотни, значит, наши предки все наврали и никого не подбили. У нас должно быть как в аптеке: свалили „стенолаза“ – значит, „стенолаз“ и был, пришибли „прыгуна“ – значит, и был „прыгун“. И никак иначе!».

Ну, может он и прав. Я не сильно вникал в тонкости нашего снабженчества, но факт есть факт – пока кто больше для Базы работает – тот и живет лучше. Лучше – это, конечно, весьма относительно, но вот наличие воды в квартире, возможности помыться в душе у себя дома, сравнительно бесперебойное снабжение газом в баллонах и уж совсем сказочное – наличие электричества, пусть и не все время – это сейчас очень для многих роскошь. (Про действующую канализацию вообще молчу!)

Потому за эту привилегию зубами держатся. Ну, и опять же горючее, боеприпасы, разное снаряжение и, что особенно важно, – помощь в ремонте оружия и техники – это все через разведотдел. Вроде нам выдается и какая-то жратва по тем самым карточкам, но пока получается, что мы обеспечиваем себя на выездах сами, а всякие положенные крупы-консервы складироваться в расположении на черный день. Там сейчас еще наши люди есть – как охрана и как мобильная группа на случай вызова – честно говоря, район у нас паршивый в плане безопасности, сильно недочищенный, но по нему проходят коммуникации к другим районам, так что мы и как этакий гарнизон там расположены. Вчера как раз те, кто на базе находился, прикрывали

бригаду сантехников – задолбали они уже со своим экскаватором. Роют постоянно, как клад ищут. Дескать, коммуникации старые, изношенные – вот и проблемы. Остается токо ругать Советский Союз – хреново построили, двадцать лет прошло – уже сыплется... Делали бы на века, как египетские пирамиды, что ли...

Кстати, штабники, столь громко и часто ругаемые во всех почти произведениях о войне (причем это интернациональное и вневременное, что особенно забавно), дело свое делают – даже я это вижу. Как-то так получается, что куча задач и проблем все же решается, и тут без координационного центра никак бы не вышло ничего путного. Причем задачи разношерстные и разноплановые – вполне можно было бы рехнуться. Вот мы, например, везем практически полнонаборную лабораторию с комплектом для анализов по венболезням, конкуренты поперли Блондинку отлавливать, знакомцы из водолазов тянут какой-то кабель от Рамбова, опять же группы таскают все что ни попадя из города – но при том вроде бы все это по штабным разнарядкам. Даже рыболовный флот есть. Я раньше не задумывался о том, насколько сложный организм – современный город. Пожалуй, впервые это мне в голову стукнуло, когда еще в первые дни после Беды пришлось снимать во время разведдозора с КАД окраины Питера.

А в Кронштадте это и тем более заметно, потому что городок маленький и до недавнего времени – пока по дамбе не протянули трассу – жил изолированно, на острове. Потому тут все было свое: и мясокомбинат, и овощехранилища, и продовольственные склады. А из-за того, что тут стоял флот, склады были немалые. Все никак не соберусь сходить глянуть на бункера для заквашивания капусты – такие ямы, в которые двухэтажный коттедж влезет спокойно – а заполнялись кислой капустой, и на зиму флотским хватало. И это только так, деталька. И водоочистка была своя, и канализация тоже – с циклом полным, чтоб не чистоганом дерьмо шло в залив. Сейчас это работает в плюс, помогает удержать былую цивилизованность в пределах городка.

Слышал, что подобное есть еще в Луге – там военщина, сидевшая на артиллерийском полигоне, шустро сориентировалась – тоже городок удержали, но Луга – это провинция уже, там все же проще было, мегаполиса рядом нет. Пока из всего, что слышал, получается, что только Кронштадт так устоял. Анклавы много где еще есть – в том же Пушкине, Павловске, Ораниенбауме, но там большая часть городских удобств накрылась, и пока отнять ее у нежити не получается, силенок мало. Остров – он остров и есть. Удобно отбиваться.

Работать сейчас приходится лихорадочно, простой анализ показывает, что чем дальше – тем солонее нам будет приходиться. Нет, разумеется, самые первые дни Беды тоже сложные были, но по-другому. После ошарашивающего знания и понимания бесповоротности происшедшего стало чуток полегче. Тяжело было морально, чего уж, я думаю, что многие из наших сограждан, которые сейчас ходят нежитью, просто свихнулись от происшедшего, но первые пару недель еще работало все, что должно было работать на автомате.

Даже светофоры на перекрестках и реклама над магазинами. У брошенных машин пару дней горели фары и габариты. Сигнализация вопила дня три – сотнями по всему городу. Потом без участия людей – посыпалось. И продолжает сыпаться. Слышал такое, что несколько весьма серьезных боевых групп – причем не только наших – занимаются тем, что блокируют возможные катастрофы на умерших предприятиях.

Но и то не все получается – было дело, притащили в Кронштадт три десятка отравленных хлором: цистерну не ту на железной дороге распотрошили какие-то недоумки, и анклав выживших накрыло зеленоватым облаком, тяжело стелившимся по земле. Те, кто были на верхних этажах зданий, не пострадали – хлор, он такой, тяжеловатый. Вот аммиачным облаком как раз тех, кто на верхотуре, накрыло бы скорее.

Отравленных так и лечили – не снимая с судна. В больнице положить было некуда, да и не рекомендуют при химпоражении такое – газ еще и в одежде есть, и как бы кто его не хапнул тоже. Медики в противогазах работали. Трех пациентов со странно пепельными лицами при-

шлось упокоить. Остальных вытянули, хотя обожженные соляной кислотой легкие – не самое лучшее, что может быть у человека в жизни.

Глава 7. Простенькая задачка

Так что проблемы множатся. И новоделные соседи в виде зомби тоже по-прежнему непонятны. Вот навал на Петропавловку после заморозков – с чего был? Ладно, морфы – у них есть интеллект хищников. Обычные-то зомбаки с чего стаей поперли? В общем – все непросто и еще более непростым будет. Опять же, сейчас сложнее стало работать: тепло, дождики – и зомби не то что ожили. Слово тут неуместное. Они стали куда активнее, бойчее и нахальнее. Про шустеров – и речи нет. Вполне на полуморфов уже тянут.

Опять же, Кабанова из некролаборатории утверждает, что шустеры имеют несколько отличное от простых зомби поведение. Простой зомби просто хочет жрать. Тупо. Мясо. И все. Отожравшийся мясом в шустера зомби становится несколько иным – ему не просто хочется жрать, он словно наркоман – голод крутит его, словно ломка, и шустер оголодавший пускается во все тяжкие. В лаборатории так зомби и называют – сонными, а шустеров – проснувшимися. Про морфа и разговора нет. Кабанова не устает восхищаться выдержкой приведенного мной тогда Мутабора. Надо бы их навестить, кстати – вопросы накопились.

– Старшой, мы на трассе – поворачивается Вовка.

– Принято, – отзывается майор, сидящий в самом хвосте, у дверцы.

Он, конечно, не то, что Николаич. Но как-то по негласному решению старого костяка Охотничьей команды это звание к нему перешло. Все-таки он – Старшой в команде.

– А может, отпустим грузовики – тут они и сами доберутся, а мы еще что успеем? Я тут одно местечко знаю, – говорит водитель.

– Позже. Сначала доберемся до клиники, там медиков оставим. С Енотом.

– А чего это мы без медиков-то?

– Хотят уже сегодня лабораторию смонтировать, а кто разбирал – тому проще сказать, что куда ставить. Вот пусть и ставят. Раз местечко тут рядом – так и без медиков обойдемся.

– Час потеряем, если не больше.

– Ничего, но раз мы конвой, то должны все сделать тип-топ. Чтобы лаборатория завтра стояла готовой к работе. Я обещал.

– Ну, раз так, тогда конечно...

Для меня это новость. Честно говоря, я бы с удовольствием поехал бы таки в местечко. В любое. Подале от места сборки лаборатории под ключ. Не разбираюсь я в технике, есть такой грех. Тем более, в незнакомой. Енот тоже морщится. Зато Надежда спокойна как слон, когда ему дают булочку, и даже улыбается.

С Енотом все понятно. Он как тот ротвейлер, которого пять часов выгуливать бегом надо, или какая там порода от спокойной жизни взрывается, словно хомяк от килограмма динамита. Беспокойная у него натура, как и положено его тотемному животному. А тут он, считай, два месяца на костном вытяжении был, теперь на костылях – тоже не побегаешь, и сегодня ему даже пострелять не удалось. Явно сегодня что-нибудь отчебучит скандальное. Надо бы с ним ухо остро держать: вроде бы он пока меня не цапал, но черт его разберет. А так умеет он устроить бурю в стакане и на ровном месте. Ильяса дважды мешком накрыл, причем с самым невиннейшим видом – то посочувствовал ему, что тяжело, конечно, быть у жены под каблуком, то попросил Андрея рассказать про снайперские премудрости – вот заодно и Ильяс послушает, ему же надо учиться, он же тоже типа почти снайпер. Надежде что-то невзначай сказал насчет нашего совместного проживания – она сидела потом, брови хмурила. Своего начальника – Ремера постоянно подкалывает. Тот, правда, подчеркнуто наплевательски относится к выпадкам, даже наоборот – начинает интенсивно соболезнавать ранению подчиненного, проявлять отечески душевную заботу, отчего начинает корчить самого Енота.

Но пока его можно не опасаться – Енот на боевом выезде и Енот в мирной обстановке – два разных зверя. Если его и не удавили еще, так только потому, что во время «дела» он совершенно адекватен и здорово полезен.

«Найденыш», не дожидаясь выгрузки из грузовиков, сваливает прочь. Енот, плюнув вслед, ушкандыбывает на костылях куда-то в сторону барахолки. Вполне бы могли его подвезти, но он то ли гордый слишком, то ли злобу так выпускает. Оба грузовика вкатываются в мрачноватый готичный парк, где расположен тот самый госпиталь, который дебютно чистила уже широко известная сейчас артель алебардщиков – первый опыт зачистки здания холодным оружием. Встаем, не доезжая памятника Исаеву с его известным девизом: «Жизнь мчится стремительно – спешите трудиться!» Я помогаю таскать коробка и свертки, надеясь, что это продлится как можно дольше и понимая прекрасно, что это хоть как-то отсрочит мое неизбежное фиаско в плане сдачи лаборатории в эксплуатацию. С сильным опозданием в голову приходит, что надо было снять на видео хотя бы, что где стояло. Не подумал вовремя. И Надежда куда-то делась.

Появляется она за пять минут до конца таскания и складывания. Грузовики с грузчиками сваливают прочь, остаемся вдвоем – Надя привела с собой какого-то сохлого мужичка, довольно старого – лет за пятьдесят, худощего, с какой-то тонкой, пергаментной кожей, большими залысинами и острым носом. Первая ассоциация – шибко старый Буратино. То есть свою мечту стать живым мальчиком деревянный исполнил, да поздновато. Но наша медсестричка обращается к нему подчеркнуто с уважением – впрочем, довольно фамильярно называя его «дядя Костя».

– Все сгрузили? – спрашивает она меня.

– Все, – печально отвечаю я, ожидая предложения начать командовать.

Она неожиданно улыбается и говорит очень знакомую откуда-то фразу: «Не печалься, ступай себе с Богом, утро вечера мудренее!» Вроде как из какой-то сказки, что ли?

– Надя, а документация ко всему этому есть? – тем временем задает вопрос Буратино-переросток.

– Боюсь, что не вся, но вот это было в кабинете у директора, это – в шкафчике в самой лаборатории, – отвечает Надежда, доставая из своей сумки какие-то проспекты и явно техническую документацию.

– О! Так еще и оборудование для постановки ПЦР в классическом формате. Реагенты и тест-системы для ПЦР и мультиплексного ПЦР тоже есть? И боксы?

– Конечно.

– Умничка. Так, «Биотестсистемс» – это знакомо, «Санта Круз Биотехнолоджи», «Премьерлаб» – тоже видали, ага.

Он продолжает бубнить, разбирая листы и проспекты. Надя тихо говорит мне:

– Вы не волнуйтесь, дядя Костя – не то что голова или две головы, как вы любите говорить, а три или даже четыре, что касается медтехники, особенно лабораторной. Расположение агрегатов я сняла на свою мыльницу, компы тут уже есть, так что разберемся. А через полчаса морячки придут – таскать и ставить. В общем, ничего особо сложного нет, я на таком же работала три года.

– Отлично, – оживаю я. И быстро сматываю удочки.

Впрочем, очень скоро останавливаюсь. После такого подарка вопрос угощения Надежды встает ребром – я же сам сегодня обещал устроить пирушку. Надо бы разжиться чем-нибудь таким. Чтобы не было мучительно стыдно за выставленное угощение. Можно зайти на барахолку. Но сначала загляну-ка я в больницу – может, коллеги что сосватают, тем более что тут совсем рядом.

Из коллег только пара реаниматоров свободна – только что закончили операцию, клиента вывели, есть время передохнуть. Сидят, передыхают.

– О, здравствуйте, как ваше ничего? – приветствует меня один из них, полноватый усач.
– Мое – ничего в основном, – отвечаю так же чопорно, после чего меня усаживают и предлагают рассказать что-нибудь интересное. Глаза у обоих красные, видно, что недоспали, а подремать сейчас нельзя – развезет. Судя по тому, как они поглядывают на часы – перерыв минут 15, за это время не отдохнешь, если задремлешь, а только еще больше расслодишься.

– С чем пожаловали?

– С гнусным эгоистичным интересом.

Они оживляются. Гнусный интерес – это что-то стоящее внимания.

– И?

– Я в разумении покушать. Обещал сегодня Наде что-нить стготовить к тому вину, что у вас тут на премии раздавали. Есть у вас что подходящее по сусекам? Чтобы такое, экзотичное.

– Можем дать кило апельсинов.

– Ишь ты, богато живете! Давно апельсинов не видел.

– Да пришло тут судно очередное. Перепало чуток из грузов. И еще – тут на стадионе сегодня пионеров дрессируют – вы скажите однорукому водителю, что я вас прислал. Думаю, у них найдется для вас пара копченых сигов, а вы отработаете потом.

– Это что – пионеры рыбу коптят?

– Ага. У них как полевое занятие – так они отрабатывают готовку на воздухе. Да сами увидите. К слову, ручонку ему после укуса оттапали. Так что однорукий про вас наслышан.

– Дратся не ползет?

– Вряд ли. Он нормальный человек.

– Редкость, однако.

– А как же. Стал бы я вас к кому другому посылать. Но прежде чем уйдете – что нового слышно? Нам тут не разогнуться, а вы все же вольный казак.

– Сейчас приволокли лабораторию целиком, для диагностирования ЗППП.

– Это здорово. Если главной удастся все проверить, как она рассчитывает – глядишь, и справимся с этой эпидемией. Стрелять много пришлось?

– Да знаете – не так чтоб очень. Рутинный выезд. Один морф, сотни две обычных зомби. Несерьезно.

– Это радует. Этак, глядишь, и нам работы уменьшится, а то все тащат и тащат. Я бы с удовольствием сходил в отпуск.

Я удивленно смотрю на усача. Нет, он совершенно серьезен.

Усач хмыкает в свои усы.

– Вы вот на тему чего поразмыслите: я когда в Лос-Анджелесе у своего однокашника гостил, сам удивился. Однокашник у меня из врачей в сценаристы переметнулся. Невысокого полета птица, на хлеб с маслом хватало, хотя полагаю, что скорее как литературный негр подмолачивал у более матерых. Не в этом соль. Я как-то его спросил: почему в фильмах пендосы такие тупые – обязательно им разделиться, обязательно вести себя по-идиотски, обязательно глупостей наделать. Зачем вы такие дурацкие сценарии пишете? А он мне и отвечает: «Да все просто, иначе не получится приключений. Когда все идет как надо и разумно, то вместо приключений производственный репортаж выходит, без кишок и мозгов на стенке. Не зрелищно ни разу. А вот как все разделились и пошли поодиночке Силам Зла противостоять – тут тебе и визг, и кишки, и мозги». Конечно, когда вы всей командой этого морфа проутюжили – так и рассказать вроде не о чем. А вот в одиночку если б вам пришлось это делать?

– Сомневаюсь, что мне удалось бы потом это описать, – самокритично оцениваю я свои шансы при встрече даже с прыгуном. Я по летящим объектам стреляю неважно.

– Вот о том и речь.

– Ребята. Пора, готово уже, – всовывается в дверь медсестра.

– Ну, пошли страждущее население спасать, – иронично говорит усачу его молчавший до того коллега.

Так, кило апельсинов у меня есть.

Пионерскую группу нахожу практически сразу – достаточно пройти в ворота на стадион, он как раз рядом с больницей. Детишки уже такие – большие, лет по 14–15. Человек двадцать, один взрослый, который практически не выделяется из этой толпы ни габаритами – некоторые подростки еще и повыше будут, ни одеждой – они тут все в одинаковом камуфляже. Разве что он единственный вооружен, да еще у него нет левой руки.

По возрасту он тоже не намного старше своих подопечных: лет двадцать пять, двадцать восемь – есть морщинки на лбу и в уголках глаз.

Заняты детишки приготовлением пищи: стоит пара десятков жестяных сборных ящичков, из них валит дымок, и когда ветерком дымок доносит до моего носа, понимаю, что это они коптят рыбу. Запах вкусный.

Подхожу, представляюсь. Вожатый неожиданно для меня собирает в кучу своих подопечных и говорит: «Вот, ребята, я про него рассказывал – это их Охотничья команда отработала ампутацию, спасающую от укуса зомби».

Мне становится сильно неловко, так внимательно они на меня смотрят. А тут еще чертов однорукий начинает жать мне руку и говорить прочувственным голосом: «Спасибо, доктор!»

Нелепое ощущение, да и спрашивать в такой патетический момент пару копченых рыбин как-то неловко, поломаю я им патетический воспитательный момент, как Гаврила Державин, столп и Великий Поэт оконфузил встречавших его с трепетным почтением лицеистов вопросом: «А где тут, братец, отлить можно?»

Отвечаю на всякие вопросы, страстно желая свалить побыстрее, тем более, что сегодня мы щенка с собой не брали – ждет уже, небось, прогуливать ее надо и дрессировать опять же. Впрочем, приходит в голову умная мысль.

– Мне интересно стало на пионеров посмотреть. А тут еще смотрю, что вы что-то готовите. Я так не умею, что считаю прорехой в образовании. Вот и хотел уточнить, учите ли кого со стороны или нет.

– Учим. Тем более что это несложно. Хиросима, угости Доктора сигаами.

Белобрысая круглолицая девчонка фыркает презрительно носом, но распоряжение выполняет быстро, замотав трех обалденно пахнущих сигов в коричневую крафт-бумагу. Черт, жжется. Приходится натягивать перчатку.

– А почему Хиросима?

– Серафима меня зовут, – мрачно косясь на вожатого, бурчит девчонка.

– Ага. Понял. Спасибо, Хирос... То есть извини, Серафима, оговорился, – отвечаю я не очень удачно под хохот ее приятелей.

– Не за что, – бурчит девчонка, сердито глядя на вожатого.

– Мне неудобно забирать харчи у ребят просто так.

– А мы просто так и не даем, – отвечает вожатый.

– То есть как?

– Сможете найти время пообщаться с ребятами?

– О чем?

– Расскажите, как вы морфа в плен взяли! – выдает Хирос... то есть, Серафима, конечно.

– И как Завод чистили! И про госпиталь! – подхватывают ее приятели.

– Договорились? – спрашивает вожатый.

– Ребята, у нас в команде есть люди и позаслуженнее...

– А вы все и приходите. А мы вас еще рыбой угостим – нам рыбаки привозят. Ладожская, чистая. На ваших хватит!

- Ну, я поговорю с нашими. Ладно, что-нибудь придумаем.
- Обещаете?
- Обещаю!

Чертовы анестезы, сосватали мне рыбку. Вот мне подвигами своими похвалиться – самое то. И рассказывать-то неудобно ни разу. Ишь, чего набуровили – морфа в плен взял. Ага. Восемь раз не напрягаясь. И главное – смотрят как... И поди их разочаруй. Вот вляпался – так вляпался.

* * *

Глава 8. Сюрвайверы

Нога все-таки побаливала после спуска и подъема по лесенке. Виктор захлопнул люк бункера и с некоторым напрягом встал. В целом, бункер порадовал. Пахло немного затхлостью, самую малость – сыростью, но все это не шло ни в какое в сравнение с предыдущими неудачными опытами: даже лежавшие на столике спички не отсырели. Было сухо и вполне можно было бы и переночевать тут, если что. Но как-то так уж получалось, что не хотелось оставаться сейчас в этом бункере, вырытом в расчете на ядерную катастрофу, но вполне прижившемся и на случай неожиданной и совершенно невероятной гибели человечества под воздействием какой-то неясной жути, превратившей мир в скопище нежити. Забрав сумку с инструментами, Виктор подошел к ждавшей его у стоящего неподалеку УАЗ-а супруге, как он несколько выпренно и иронично именовал свою подругу Ирку. Она, задумавшись, разглядывала какие-то бумажки, вроде как карманный календарик и списки запасенного имущества в схронах.

– Что скажешь?

– Третий вскрывать надо, там все нужное – отозвалась Ирка, встряхнувшись.

– Ладно, нам-то по барабану, какой вскрывать, – не обращая внимания на странную задумчивость сожительницы, сказал Виктор и стал аккуратно снимать дерн с травой, маскирующий схрон. На свою супружницу он не смотрел, тем более что знал за ней привычку копаться в бумажках. Теперь это обострилось – пришлось в отбитой деревушке заниматься огородными делами, а из всего тамошнего населения в этом петрили три бабки, причем у каждой было свое мнение, не совпадавшее с соседским. Ирка тоже в этом деле понимала кое-что, только здесь было на пару – тройку сотен километров южнее тех мест, где Ирка жила раньше, и все сроки огородных работ сдвигались изрядно. Вот поэтому Ирка и возилась с календариком, как полагал Виктор.

Тут он сильно ошибался.

Ирка еще раз тщательно проверила свои подсчеты, сверяясь с карманным календариком, где крестики, перечеркивающие по четыре дня, шли четко в каждом месяце. Кроме мая и июня. Задумалась. Получалось... Получалось, что у нее получилось. Таких задержек менструаций у нее еще не было никогда, да к тому же тело вело себя странновато.

Все-таки житье в нормальном доме с окнами несколько расслабило. Ирка встряхнулась, привела мысли в порядок. Время еще есть, успеет подготовиться. Хорошо бы, чтоб у кого из бабок оказался опыт повитухи. И еще надо питаться хорошо. Особое внимание на это. И вообще, аккуратнее надо. И еще надо как-то Витьке об этом сказать. Ирка глубоко вздохнула и пошла поближе к схрону.

Таскать из тайника запаянные в полиэтилен мешки, пластиковые бочки и контейнеры пришлось долго, потом разбираться по схемке, в каком контейнере что лежит, отбирать нужное, укладывать обратно пока не понадобится. Когда Виктор собирал на длительное хранение всякие необходимые вещи, казалось, что все предусмотрел, обо всем подумал, а сейчас как дошло до дела – за голову впору хвататься, столько всяких незаметных вещей потребовалось.

Вот кто б ему сказал, что стоило свалить в схрон хотя бы десяток мешков с удобрениями. И стоят-то копейки... То есть стоили раньше. Оставалось только хлопать глазами, когда старуха Мелания снисходительно объяснила городскому жителю, что без удобрения урожай втрое меньшим будет – за какой овощ ни возьмись, а коров нынче никто не держит, потому навоза нету и в помине. Виктор пытался что-то пискнуть насчет свиней, которых в деревне на ферме было двадцать штук, и уж чего-чего, а дерьма от них было много, но тут Ирка тихо ткнула его пальцем в бок, и он решил не продолжать тему.

Оказалось – правильно сделал, потому как свиное дерьмо и впрямь не годилось сразу на огорода, разве что под капусту, да и то – лучше бы ему сначала в компосте годик созреть, толку больше станет. Ждать же годик было никак невозможно.

Удачно успев удрать из умирающего города к себе на базу, пожив чуток в своем бункере, Витька не удержался и из-за Ирки поехал в заброшенную обезлюдевшую деревушку Ольховку, где останавливаться доводилось еще во время постройки бункера и схронов. А дальше пошло одно к одному: по наводке Ирины нашелся старый газогенератор на дохлой древней полуторке. Разумеется, захотелось починить это чудо-юдо, чтоб электричество было, на деревянном при чем топливе. Очень уж заманчиво получалось: чего-чего, а дров вокруг было море немереное. А дальше больше – устроили вылазку в уже жилую деревушку, где, как Витя помнил, была автомастерская. Починка примитивного газогенератора была несложной – вполне возможной на базе этой автомастерской.

Вот и вляпались в этой деревне, несмотря на всяческие ухищрения. В итоге, правда, кроме пули в ляжку Виктор получил и власть над деревушкой, двумя десятками людей, двумя десятками свиней, тремя собачонками, шестью кошками – и автомастерскую впридачу. Трофеи получил: мотоцикл да несколько охотничьих ружей от прошлых властителей деревни, которых пришлось угробить за неласковую встречу и весьма мерзкие обычаи. Людишки в деревне были в чистом виде рабами, Виктор их вроде как освободил, но статус определять не стал и в прошедшее время воли не давал, хотя разрешил занять пустующие дома.

В душе Виктор гордился происшедшим. Даже подходящее слово вспомнил, попало как-то в затрепанной книжке. Ваганум. Там еще наш майор-десантник, попав в прошлое, угробил некоего гнусного готарского барона и сам стал бароном – как раз по праву ваганума. У Виктора получилось хоть и не так гладко и не так чтоб уж книжно, но врагов замогилил, сам жив остался. Ваганум, короче.

Теперь надо было ломать голову, как прокормить эту орду, как обеспечить себе и Ирке достойную жизнь, и много еще чего свалилось на новодельного феодала. И тут оказалось: чем больше под тобой народу – тем тебе жить получается комфортнее. Но и хлопотнее тоже, потому как надо все рассчитывать. Качество крепостных оказалось убогим, мужиков всего двое, остальные бабы, а других взять негде. Зато запуганы прошлыми хозяевами до полусмерти, что облегчает жизнь. В общем – сплошные проблемы. Одна радость – крапива поперла как ошалелая, и потому со жратвой и для людей, и для свиней стало чуть легче. Самое смешное – даже самому Виктору на первых порах щи из крапивы очень понравились. Свежего хотелось безумно. Теперь вот еще щавель собирать можно. Тоже приварок, как выражается бабка Мелания. Но на одной крапиве-лебеде далеко не уедешь, надо разживаться нормальной человеческой едой, да чтоб ее побольше было. Даже у Витьки рацион получался убогий и однообразный настолько, что и крапива за деликатес пошла, а про рабов и речи нет. Но с голодухи не пухли все-таки.

Почти все семена, что Виктор в схронах запас, ушли на посев, и оказалось, что запас он семян мало – даже им на двоих не хватило бы толком, без удобрений-то. Пришлось выкручиваться. От всех этих огородных премудростей у Виктора голова вспухла, потому настоящим спасением было ходить в лес, охотиться. Настоящий отдых получался. Но по добычливости выходило не сильно ладно – леса были заболочены, живности негусто. Нашел семейство бобров, перестрелял. За неделю схарчили всей ордой. Попадались зайцы да лисы. Навару с них было негусто, но все же. Здорово пригодились ружья от прошлых господ – Витька как-то не подумал насчет малых калибров, когда утекал из города, так что двустволка двадцатого очень к месту припала. Пожалеть оставалось, что капканов не взял в лес, пригодились бы.

Эх, много что пригодилось бы. Даже и в голову не пришло, что могло бы пригодиться. Меланья вон жалела искренне, что не завела кроликов перед Катастрофой. Глядишь, размно-

жились бы – куда там свинкам. Бывшие в деревне курицы пока никак не увеличили свое количество. В общем, всего не хватало, кроме прущих с сатанинским напором сорняков.

Наконец, загрузили все в УАЗик и тронулись. Доехали быстро – наловчились уже по лесу срезать. Деревня почему-то встретила безлюдьем. Даже на огородах никого не было видно. Что-то неладное творится. Виктор кивнул супруге, отстегнул петельку, крепившую АКСУ к двери. Ирка понятливо перехватила свою помповушку, кобуру с пистолетом расстегнула и сдвинула себе на живот.

Остановились у своего «замка», как стали величать в деревне несуразное двухэтажное здание, сделанное большей частью из пенобетонных блоков.

– Выходим, ты к дверям, я спину прикрою. Увидишь что – стреляй сразу, не думай, – тихо сказал Виктор жене.

– Угу, – буркнула так же тихо супруга.

Собравшись и настороженно поглядывая по сторонам, поднялись на крыльцо. Дверь заперта, за дверью тихо. Виктор посвистел.

– Эй! – тихо окликнул сверху женский голос.

– Ну? – отозвался Витя, задрал голову и увидев высывающуюся из окошка второго этажа Верку, «фрейлину двора его Величества Виктора Первого», как они с Иркой величали эту свою не то подругу, не то домоуправительницу.

– Беда! Из лесу эта лахудра вернулась, что УАЗ тогда пыталась угнать.

– Тоже мне беда! – презрительно, но все же шепотом отозвалась Ирина.

– Беда, Ирэн, точно говорю. Сейчас момент – дверь открою – объясню.

Когда они оказались в прихожей, Вера испуганно выложила все, что видела и слышала. Лахудра вышла из леса где-то в полдень. Шла не как зомби – легко, уверенно. Ее потому и не испугались, одна из работавших на крайнем огороде – ну, там, где клубника – даже ей навстречу вышла.

(Вот нет пригляда, так сразу отлынивать от работы начинают, механически и мельком отметила Ирина).

– А потом все на визг сбежались, – продолжила Вера. – Лахудра эту дуру-бабу схватила и стала у нее с руки мясо сдирать. Да ловко так. Ее Карина пыталась палкой по голове треснуть, так она и Карину укусила, за руку.

– погоди, как укусила – я ж приказал в одежде работать, – зло спросил Виктор, хотя уже и сам понимал, какой ответ будет – денек сегодня, как на грех, был ясный, солнечный и очень теплый. Бабы, конечно, взялись позагорать, как же еще...

– Так безопасно же было, – виновато отозвалась Вера, шмыгнув носиком по привычке.

– Ясно. Так она дохлая, что ли, лахудра-то? – переспросила Ирина.

– Так непонятно, – тоскливо отозвалась Вера.

– Вы сначала туда сбежались, а потом оттуда врассыпную? – догадалась Ирка.

– Ну да. Я сюда и заперлась. Ждала, когда вы приедете.

– Погодь. Если лахудра дохлая – с чего она тогда шла по-человечески? Мертвяки же култыхают, как убогие.

– Да откуда мне знать? Мне как сказали, так и передаю. А переспрашивать некогда было. Как Карину тяпнула, видела – до крови. Карина мимо побежала, к себе.

– Ладно. Пойдем сейчас разбираться, давно хотел за УАЗ расплатиться. А она, гляди, моду взяла – за руки кусаться. Надо ей кусалки укоротить.

– Виитя, ты поосторожнее там, а то двигалась лахудра очень шустро. Не как мертвяки. Очень шустро двигалась. И резко так, знаешь, – предупредила Вера.

Ирка нахмурилась. Ей очень не нравилась с недавнего времени интонация, с которой Верка произносила имя ее – Иркиного – мужа. И это томное «Виитя» Ирину просто бесило. С

трудом удержавшись от желания дать Вере коленкой под зад, Ира спросила своего господина и повелителя:

– С пулеметом пойдешь?

Виктор минуту подумал, потом твердо сказал: «Нет, пулемет не годится. Возьму автоматический дробовик, он в деревне лучше пойдет. А уж сдохла эта лахудра или нет – не важно. Картечь ее вразумит по-любасу».

Снарядились быстро. Хмыкнув, Витя напялил на себя ватник. Надел ушанку. Держать руками в перчатках ружье было немного непривычно, но ничего, не впервой.

Веру оставили в «замке» – в пальбе от нее все равно толку не было никакого.

Вышли, прислушались.

Ирка показала рукой в сторону свинарника.

Виктор кивнул – что-то свинина расшумелась. Значит, что-то беспокоит хрюшек, раз их даже тут слышно.

Осторожно двинулись в том направлении.

Пару раз обернувшись, Витя сердито ткнул пальцем сначала в Ирку, а потом показал ей за спину. Жена виновато кивнула и стала внимательнее смотреть назад. Так, уже спокойнее.

Вышли на небольшую площадку перед свинарником. И тут пусто, хотя слышно, как в сарае мечутся и тревожно хрючат свинки. Виктор повернулся посоветоваться с Ирккой, увидел ее округлившиеся глаза, глядящие мимо него, стремительно развернулся, и его поневоле передернуло: из-за угла свинарника на четвереньках вышла та сама лахудра, изгвазданная в грязи и кровище, но не это вызвало у Вити судорогу омерзения.

В зубах лахудры билась еще живая, отчаянно чирикающая крыса – их тут было до черта в свинарнике, и никак не удавалось от них избавиться, как ни старались. Лахудра, наконец, заметила охотничью парочку, и тут же события рванули стремглав: выплюнув крысу, не вставая, прямо так – с низкого старта – лахудра бросилась на Витьку, моментально проскочив половину расстояния.

Он никак не был готов к такому раскладу – только что он собирался сказать что-нибудь подобающее случаю, поучительно-назидательное, потом, не торопясь, приложиться к ружью и «исполнить».

Вместо этого пришлось неловко бросаться по-крабьи вбок, открывая возможность стрельбы для Ирки и открывать пальбу от бедра наобум святых, уповая на удачу, на то, что все-таки опыт и тренировки должны, ну должны же сказаться, черт все это дерит!

Ирка бахнула первой – тоже не прицеливаясь, промазала, передернула цевье, промазала еще раз, Витька вторым выстрелом попал, но даже с шага тварь не сбилась.

– Беги! – завопил Виктор.

Ирка рванула изо всех сил, перемахнув неожиданно для себя через изгородь из жердей, увязая в рыхлой земле, пробежала через перекопанный огород с ростками фасоли, слыша за спиной невероятно частую пальбу, и не сразу остановилась, услышав оклик мужа.

Тяжело дыша, оглянулась. Муж лихорадочно заряжал ружье. Лахудры видно не было, но сделав несколько шагов и на этот раз стараясь не топтать ростки, Ирка увидела валяющееся около изгороди и еще дергающееся тело.

Подошла ближе и с чувством удивительного облегчения врезала в грязные лохмы рвущей картечью, вбив моментальным жутким ударом полголовы в землю.

– Вот сука! – странным голосом сказал Виктор.

– Жаль, я ее тогда не грохнула. Стекло в УАЗе пожалела.

– Ладно, пошли смотреть, что там с грызанной бабой произошло.

– Эта – дохлая была?

– Куда дохлей. Но шустрая, сука, как веник электрический. От тепла, что ли?

Виктор удивленно повел стволом и разнес крыска, которого не доела лахудра.

- Тоже обращаются, гляди-ка. Видала?
- Это плохо. Не нравится мне этот крысятник.
- И что предлагаешь?
- Смотреть внимательно надо. Ну, пошли.

К стоящей в огороде бабе подходили с опаской, напряженно, но та оказалась обычной, уже не раз виденной тупой мертвячкой. Увидела супругов, заскулила, дошла, валко ковыляя, до забора, уперлась в него и замерла.

Стараясь не смотреть на голые кости объеденной руки, Виктор аккуратно вынес зомбачке мозги.

Карина умерла вечером. В сарае, где ее привязали для безопасности. Там же ее и застрелили, упокоив.

* * *

Глава 9. Опять Кронштадт. Енот

У дома сталкиваюсь с Енотом. Он тоже где-то тут живет, в соседней парадной ему жилье выделили, ага, но Ильяс толковал, что нору себе новичок не там устроил.

– Откуда, из больницы? – принюхивается остреньким носиком, выразительно смотрит: «Рыбка, да? Копченая, да? Подарок, да?»

– Могу тебя угостить рыбой – неожиданно для себя предлагаю я.

– Рыба – это хорошо – задумчиво изрекает он. Потом уточняет: – А пиво есть?

– Сиг. Копченный. И без пива хорош. Но я не навязываюсь: не хочешь – не настаиваю, – я уже сержусь на самого себя, мне уже самому странно, что я вообще это предложил. Нет, конечно, сиги здоровенные, и нам с Надей пары рыбин хватит за глаза, но вот упрашивать – ни в какие ворота не лезет. Какого черта мне вообще в голову пришло его кормить?

Енот неожиданно расцветает искренней застенчивой улыбкой и радостно говорит: «Сиг! Да еще и копченный! Восторг и песнопения! Спасибо!»

Но он все же мерзавец, потому что, получив рыбину и с удовольствием ее осмотрев и обнюхав, двусмысленно заявляет:

– Так уж сложилось, что все женщины почему-то стараются меня накормить!

– Поговори еще мне, понамякивай. Это потому что ты тощий, как дети Африки. Вот, небось, тебе дед Мороз подарки не приносит на Новый Год? Это потому что ты кушаешь плохо.

– Ах, никто меня не любит, никто не понимает, – горестно заявляет Енот и, хитро подмигнув, направляется к себе, бурча внятно под нос: «Кушаю я хорошо... да кто ж мне даст? Усе пожрали толстые врачи. Один в семи комнатах живет, сорок пар штанов имеет, а другой пропитание по помойкам ищет!».

Я успеваю только навести краткую ревизию на кухне – проверив, есть ли нормальный кофе, сахар, сливки, шоколад и конфеты, глянув, что собой представляет Средиземноморская кухня. Женщину вообще полезно удивить чем-то необычным. Нехай будет сегодня средиземноморская кухня. Собственно, все то же, включая картошку, макароны и каши, но уже название звучит по-иному. Нет, все-таки на барахолку надо сбегать. Надька любит, чтоб хлеб был свежий – это у нее пунктик. Не успеваю выбраться, как в дверь звонят. Звонок, к слову – это тоже признак статуса сейчас, потому что очень у многих электричества просто нет. Вообще.

Это опять Енот. Даже переодеться успел с уклоном в этакий гопостайл. И бейсболка у него – настоящий абибас, прямо так и написано. Чистый гопник.

– Вот. Что выберешь? – и он показывает банку персикового компота и какого-то варенья, очень похожего на малиновое.

– Обои годятся, – говорю я и тяну лапы.

– Э, я токо одно что-то готов пожертвовать в ваши ненасытные утробы, – возражает гость.

– Обидеть хочешь?

– Ага. Я б с удовольствием, но вас обидишь, живорезов, как же. И папа мне всегда говорил, еще с колыбели об этом.

– О чем говорил?

– Папа говорил: «Во время дела сгоряча не стреляй в полкового врача!». И всегда был прав. Ладно, бери, если совести нет! Слушай, Надежда Николаевна так косметикой моей и не пользуется?

– Конечно, нет. Совершенно идиотская косметика-то. Ты ж ее подколоть хотел – знаешь же, что она косметикой принципиально не пользуется. Медик же, какой там маникюр с лаком.

– Нет, я от всей души – вот не веришь ведь, а зря.

– Не верю.

– Ну и правильно, в общем. Если я из коробки кое-что заберу, ты не против? Мало ли – сам там начнешь косметикой пользоваться или еще что?

– Янот бяхсвостый, сам косметикой своей пользуйся.

– Это из Конецкого, ага? Ладно, раз разрешаешь – и попользуюсь.

Енот решительно начинает копаться в коробке, которую совсем недавно с помпой презентовал Надежде. Та опасливо приняла дар данайский – и не ошиблась, мой гость обнес какой-то киоск с косметикой для панков, что ли, или готов, или еще кого-то так же скорбного главой. Я не очень представляю себе, кому понравятся выкрашенные в такие идиотские цвета ногти, дикие тени для век и прочие исхищрения нынешней молодежной моды. Ящик так и стоит в коридоре, как памятник тщетным ухищрениям.

Енот целеустремленно роется в коробке, страшно напоминая своих собратьев, громящих чинные американские мусорные баки. Даже странно, что оттуда не доносится чавканье и урчание. Остается недовольным, хотя что-то и рассовал по карманам.

– Куда вы собрались, милейший? Не на рынок ли, часом? – спрашивает он меня.

– На рынок. А ты?

– Я тоже. А как вы отнесетесь, ежели составлю вам компанию??

– Пошли. Будешь ехидничать – пойдешь один, заранее предупреждаю.

– Я сама доброта! Это все поклеп! Базилио, когда я вас... то есть – видит Бог, и в мыслях не имел! (и, перейдя с МХАТ-овских интонаций на нормальный разговор) Да, у тебя патроны к АК есть – чтоб медные гильзы были?

– Есть. А что?

– Обменяй, а? Сейчас глянем самый лучший курс обмена – например, на патроны к ПМ? И грабь меня. Я согласный. Или жалко?

– Жалко. Жалко, что я не Ильяс. Вот он бы тебя умыл и обул. Много тебе патронов надо?

Енот перекашивается, горестно вращает глазами и выдает скрипучим голосом:

– Не говорите мне за Илью! Этот сын не гусского нагода ведет себя так, словно он не просто сын не гусского нагода, но у него еще и папа юрист! И при этом хочет знать все, как будто он поп, а мне уже пора! Так что забудем вовсе и не станем осквернять уши словами о сем жмоте – они совершенно неуместны в обители столь щедрого, главное, – деликатного человека! (И тут же, меняя голос на свой обычный) А патрончиков нужно с сотню. Но только медных.

Таких, какие ему нужны, находится у меня по сусекам три сотни. Отслюниваю требуемое. Енот, благодарно бурча что-то, деловито распахивает пачки в недра своей гоппнической куртки турецкого пошива. Странно, я думал, он это в свою сумку упакует.

Но сумку он отправляет на спину, перехватывает костыли поудобнее (странным, это деревянные, очень старые, которые упираются в подмышки – впервые вижу у него такие; на выездах он пользуется легкими алюминиевыми).

Потом поправляет какой-то чудовищно странный револьвер, заткнутый в портки «по-бразильски». И скачет по ступенькам вниз, как подбитая ворона.

Все, рынок нас ждет.

Собака, в восторге от предстоящей прогулки, радостно кидается ему вслед, приходится сдерживать ее порыв – не след тут, на лестнице, гонки устраивать. Вручаю Фрейе изрядно жеваную ветку. «Неси!» Несет с гордостью, как медаль.

С залива дует свежим ветерком. Приятно. Сколько времени прошло, но так к запаху мертвечины, которым пронизан отделенный от нас водой Питер, привыкнуть не получилось. А здесь – свежо, вкусно пахнет водой, причем большой и открытой. У залива запах не как у пруда или реки. Правда, и не совсем морской, это так.

Стараемся идти в теньке – солнце припекает, а мы одеты, как положено по инструкции о безопасности в районах, пораженных зомби.

Дорого бы дал, чтоб шлепать сейчас в сандалях, одетым в шорты и легкую рубашонку с коротким рукавом. А вот вам шиш – грохаю тяжелыми сапогами. И форма на мне вся, и даже перчатки в кармане и каска строительная оранжевая на пояс сзади подвешена. Разве что позволил себе вооружиться легко – взял только пистолет «Марго», подарок от одного уже покойного хорошего человека. Конечно, если нарвемся на комендантский патруль, то могут прицепиться – я ж со служебной собакой, а это значит, что таким образом сам являюсь вспомогательным патрулем, соответственно вооружен должен быть обязательно, а «Марго», как ни крути, – спортивная игрушка, никак не боевой пистолет. Ну да ладно, в конце-то концов, очень уж не хочется тащить ППС. И так уже замечаю, что правое плечо вверх торчит из-за привычки к автомату на ремне.

– Чертовы деревья, неудобные, заразы, – ругает Енот свои костыли.

Это да, тем более, он не удосужился их подогнать по длине, отчего и походка у него нелепая. Взгляд снова цепляется за рукоятку револьвера. Сам револьвер впечатляющ – размером он поболее иного винтовочного или ружейного обреза и выглядит странно. Раньше мне такое никогда не попадалось.

– Давай костыли подгоним, удобнее будет ходить, – предлагаю я Еноту.

– На фиг надо, перетопчемся. Сейчас, давай минутку постоим, дух переведу.

Он действительно вспотел, мелкие бисеринки пота на лбу. Ходить ему тяжело, два месяца постельного режима – не шутка даже для тренированного тела.

– Тебе вообще-то надо больше гулять, – начинаю я обычные для лекаря банальнейшие рекомендации, но оппонент машет рукой с таким презрением, что продолжать – не уважать себя.

– Гулять здесь? На болотах? – фыркает он странно знакомую фразу.

Стоять молча тоже как-то нелепо.

– Это что за револьвер такой? – спрашиваю я, глядя на странную ручку.

Енот неожиданно оживает, с гордостью вытягивает из портков дуру, оказавшуюся еще больше, чем я предполагал.

– Смит-Вессон офицерский.

Мне казалось, что меня трудно удивить здоровенным револьвером – довелось уже держать в руках чудовище под нелепым названием «Гном», но этот явно больше. Он странно архаичного вида, но совершенно не похож на примелькавшиеся в фильмах «Кольты».

– Погодь, откуда такое?

– Он в нашей армии до нагана был. Наган тоже ничего, но этот – просто майский праздник, именины сердца – неожиданно душевно и искренне говорит ехидный злоязыкий парень.

Меня такое удивляет.

– То есть этому агрегату больше ста лет? Он что – в НАШЕЙ армии был на вооружении?

– Точно так, ваше сиятельство, – шутовски козыряет Енот и преданно пучит глаза.

– А патроны откуда? А стреляет как?

– Стреляет мягко и точно. Звук – густой, теплого лампового тембра, немного напоминает звук выстрела из дивизионной гаубицы.

– Ну-ка, дай посмотреть поближе!

– Не испортишь? Не поломаешь? – настороженно спрашивает хозяин чудовищной пушки.

– Да такой ломом не повредить, – пытаюсь я довести до него прописную истину.

– Вам, рукосям, и лом не нужен, чтоб вещь спортить, – старушечьим сварливым голоском возражает костылеходец.

– Да ладно тебе, не сломаю, конечно. Я буду очень нежен к этому прибору.

– Смотри у меня, – строго замечает Енот и аккуратно, словно церковную реликвию, вручает мне револьвер. Рукоять с накладками янтарно-красного, почти оранжевого дерева, пошар-

паннный длиннющий ствол, но в целом видно, что уход за этой машинкой был заботливый. Просто за целый век новехонькой трудно остаться даже такой стальной железяке. Из-за прицельной планки сверху и прилива снизу револьверный ствол выглядит скорее как ружейный. Во, миникарабин без приклада. И нарезы в стволе видны – не гладкоствол, как «Гном».

– А патроны откуда берешь? Калибр-то какой-то жутковатый? – осторожно заглядывая в дуло – нет, скорее в жерло – этого чудища, осведомляюсь я.

– 4 и 2 десятых линии, – гордо отвечает Енот – Рукоблуды ваши постарались, Вован с Серым – подогнали охотничьи латунные гильзы 410 калибра. Ну, и пули своерожденные.

Теперь я совсем ничего не понимаю.

– Слушай, это разве не ты проезжался по поводу нелепости использования при зачистке наганов? И глупости самодельных патронов к ним? Я же прекрасно помню, что ты толковал.

– И что я такого толковал, интересно знать?

– Очень, дескать, рискован наган: появится внезапно группа в несколько штук зомби – а один на перезаряде, второй полупустой, третий пустой, начинают палить, да промахи... и опаньки. Это не у ПП или карабина магазин сменить – это же наган, мол. И по бесшумности проезжался.

– Даже и по бесшумности? Не путаешь?

– Не путаю. Я так тебя тогда понял, что Брамит-то да, хорош. Даже ж на винтовки ставили, с патроном УС, правда, только. Но для пистолета он не лучший. Пистолетная пуля, пробивая мембраны, очень сильно их уродует, ресурс малый. Потому, дескать, надо на ментовское оружие переходить, всякие эти клены-лавы.

– Так я и сейчас тебе скажу: наган в помещении хорош, зимой – очень к месту, потому что не замерзнет; он относительно ПП, не говоря о карабинах, компактен и безотказен. Но только там, где уверен, что хватит патронов, а сейчас чего умничать: на милицейские, все эти ПП – клен, кедр, кипарис (кстати, он очень прочный, бо фрезерованный) и каштан – есть штатные глушители. Патрон ПМ – он из стандартных самый мощный с дозвуковой скоростью. И распространенный. Или вот мелкашка... – тут Енот задумывается.

Я пока верчу в руках Смит-энд-Вессон. Машина внушает уважение, хотя такой романтической любви с придыханиями, какую демонстрирует Енот, у меня она не вызывает. Но в руке сидит хорошо, подхватить второй рукой удобно – в общем, вполне себе пушка. Да и калибр серьезный.

Возвращаю машину хозяину, и он заботливо засовывает ствол в портки.

– А 4 и 2 десятых линии – это сколько?

– Без понятия. Побольше, чем трехлинейка, поменьше, чем трехдюймовка, – вежливо отвечает Енот.

– Ты где ее добыл? – осведомляюсь у спутника.

Тот начинает прыгать дальше на костылях, отрывисто выдавая куски текста.

– Мы... ну, в общем, не важно... короче, ехали по Карла Марла... самое начало этого безобразия... слышим – кто-то лупит... звук непонятный, не то ружье, не то... опять же, ружье... Да сдвоенными выстрелами [1]... Ремер приказал туда свернуть... оказывается, бабку из ВОХР-а... на проходной заблокировали... с этой игрушкой... ну, мы остановились, пощелкали немного... тех, кто там ее блокировал... бабку с собой... оставили у нас – там лагерь был для уцелевших... а я эту вещь у бабки на ПМ сменял... ей все равно без патронов никуда... а у меня ничейный был... а так не отдавала, сквалыга.

Я с трудом удерживаюсь, чтоб не съязвить на тему того, что револьвер этот выражает по Фрейду тайные комплексы и компенсаторные реакции, но решаю все же этого не делать. Просто потому, что за последнее время на своей шкуре убедился в справедливости старой поговорки-инструкции: «Не буди Лихо, пока оно тихо». Енот все же покрупнее моего трехно-

гого кота получается, так что обойдусь без язвления, хотя и в этом – трехногости – он сейчас соответствует.

– И все равно пиломатериалы лучше при зачистке на улице летом и с неясным количеством зомби, – непонятно заявляет стучащий костылями попутчик.

– Какие это пиломатериалы? – удивляюсь в ответ.

– Да дрова эти... так все милицейские пистолеты-пулеметы кличут с деревянными названиями. Вот они лучше – с глушаками. Или опять же мелкашки, – возвращается в задумчивость Енот.

– Мне показалось, что как раз из нагана выстрел тише, чем из Марголина. Даже без глушителя. Из мелкашки вроде и не громко, а как-то хлестко.

– Потому что патрон 22ЛР – лонг райфл. Винтовочный. На длинный ствол, 40 см минимум, – отзывается спутник, обдумывая что-то свое.

Собака все это время идет рядом, поглядывая то на него, то на меня. Тащит поноску, важничает.

1. Сдвоенными выстрелами раньше сотрудник милиции показывал свое бедственное положение и звал на помощь. Сигнал «СОС» для тех, кто понимает.

Глава 10. Рынок

До рынка остается совсем недалеко, когда Енот внезапно сворачивает во двор, где виднеются лавочки, бурча через плечо: «Посижу – отдохну, а ты меня не жди. И на рынке, если что, мы не знакомы, усек?»

Немного удивляюсь такому повороту, но, в конце концов, я не мать его, не жена и даже не любовница. Пожимаю недоуменно плечами, и дальше мы идем вдвоем с собакой.

По дороге еще успеваю отработать несколько раз некоторые команды, чтоб сочетать приятное с полезным. Теперь у меня один из карманов куртки постоянно набит собачьим лакомством – Бурш строго предупредил, что собака должна поощряться все время, иначе дрессировка насмарку. Вот и поощряю, а куда деваться.

Рынок – его чаще называют барахолкой – здоровенный по масштабам городка.

Или, может быть, я просто не видал барахолку?

Купить тут можно многое. Командование, видимо, обломалось с ликвидацией торговли с рук и решило сделать хорошую мину при плохой игре – не смогло уничтожить, так возглавило. Отдали под это дело два сквера рядом с Гостиным двором. (Да и Гостиный опять вернулся к своему прошлому – тоже рынок ведь раньше был, да еще как нынче принято – модульной схемы: приезжал купец-гость, снимал лавку, а там, кроме того, предусмотрены были и складское помещение, и погреб, и место для лошадок и телег или саней. Очень было удобно, иноземцы такому рациональному устройству сильно дивились).

Вот теперь в скверике у Гостиного идет торговля серьезными вещами – в частности, оружием и боеприпасами; Андреевский сквер – шмотки и прочая ширпотребина, а вот Гостиный Двор – жратва. Нет, конечно, не так, чтоб все строго, среди шмоток и пистолет могут предложить, но это уже нарушение. Руководит всем этим Невидимая рука рынка, как прозвали не без трепета невзрачного мужчину восточной внешности и его бодигардов. Кто таков – не знаю, но, судя по тому, с какой жесткостью прищемили хвост начавшим было устанавливать свои порядки ребятам из азербайджанской диаспоры – скорее всего, армянин. У них давно взаимная любовь, как я успел уже убедиться.

Но меня это, собственно, не волнует, Невидимая рука рынка предпочитает не входить в контры с руководством Базы, попытки задрать цены, как я говорил уже, подавлены, так что пока все куда ни шло. Слышал, что была некоторая борьба за власть на рынке, но тут не получилось ничего – для попытавшихся все кончилось быстро и плохо.

Не могу удержаться, чтоб не сунуть нос в оружейный скверик. Формально действия законов РФ никто вроде и не отменял, но ношение оружия в городе не преследуется – главное, чтобы патрулю не показалось, что у субъекта нехорошие намерения. Ну и если кучей идти – тоже не нравится. В самом начале было несколько интересных ситуаций, включая попытку штурма штаба Базы и несколько нападений на склады. Руководство отреагировало нервно, введя коллективную ответственность за терроризм. Ежели субъект попался на вооруженном насилии – семья выселяется на фиг.

Споров было много, но и только. Потом ввели КПП на въезде, наладили комендантскую службу – в общем, некоторый порядок имеет место. Не сравнить с тем, что было до Беды, конечно, но и с тем, что сейчас творится за пределами Кронштадта – тоже.

Опасность скорее другая – мы сидим рядом с Морским заводом, а это обанкроченное предприятие, территория колоссальная, неконтролируемая, что там творится – толком неясно, но шустеры и морфы там точно есть, и вылазки оттуда устраивают.

Неожиданно Фрейя начинает радостно гавкать. Не успеваю толком удивиться, как что-то грохает меня по плечу. Эту манеру здороваться я отлично знаю, потому, обернувшись, вижу

то, что и ожидалось – совершенно бандитскую рожу с перебитым носом и веселыми голубыми наивными глазенками, еще более голубыми оттого, что ресницы и брови рыжеватые.

– Здорово, иатр! Чего тут шныряешь? – спрашивает рыжий.

– И тебе того же. Зашел в разумении покушать. Чего давно не видно тебя было?

– Так водолазные все дела. Мы же на острове, коммуникации все под водой, вот нас и тягают. Насчет покушать – это в каком смысле? Набить утробу немедля или для потом?

– Да обещал Наде пирушку устроить сегодня, вот фуражирую.

– Наконец-то.

– Что наконец-то?

– Пирушку своей Наде устроить решил. Правильно, одобряю.

– Ты на что намекаешь, мерзавец?

– Полегче, иатр, это уже хамишь – я тебе не намекаю, я всегда тебе говорил, что обольщение при помощи алкогольных напитков самое правильное. Наконец-то послушал.

– Да я, собственно, не ради обольщения.

Водолаз Филя сильно удивляется.

– Тогда ради чего?

Теперь мне приходит время задуматься. А действительно – ради чего, собственно, я эту пирушку затеял? Как-то насчет обольщения мыслей не было.

– Надо ж, как тебя заклинило. Просто любоваться можно. Или статую лепить. Или вместо статуи ставить, – наклонив голову, замечает Филя.

– Слушай, ты меня как-то озадачил. Будем считать, что я просто хочу угостить хорошего человека.

– Мвахaha! Себе-то не ври – не человека, а женщину. Молодую. Симпатичную. Ладно, что хотел купить?

– Ну, есть вино, рыба копченая, кофе. Да, ты ж грек. Ты вот скажи, что там в средиземноморской кухне еще есть.

Филька подмигивает хитро.

– В Греции все есть! А в средиземноморской кухне – тем более. Записывай: оливки надо, чеснок, помидоры, огурцы, йогурт, брынза-фета...

– Ага. Сейчас я все это тут и найду. Без натуги.

Филя осекается в полете мысли. Потом спокойно говорит:

– Все, наверное, не найдешь, но фета, оливки, чеснок – точно есть. Огурцы вчера видал. Вон там, слева продавали. Дорого, конечно. В крайнем случае, греческий салат и без помидоров и перца сделать можно. Получится классический древнегреческий салат. Не было у Одиссея ни перцев, ни помидор. Так и скажи. Да, кстати, в бассейне занятия возобновились. Так что если что – по знакомству устрою. Я там инструкторов всех знаю.

– А если не по знакомству?

– Пожалуйста – вон пляж открыт. Купайся, сколько влезет.

– Тоже мысль. Часто мертвяков прибывает?

– Не без этого. Но купаться-то можно?

– Ну, ладно, Филемонидес, пора мне.

– Бывай!

Учитывая советы, набрал всякого-разного. Не так дорого и встало – невысокий хрупкий паренек согласился в оплату за огурцы взять боны Ржевского полигона, а их у меня собралось много – ребята этим «фантикам» не верят, вообще выкинуть хотели, так я их просто из жадности собрал, и вот –годились. Даже и среди принятых на Базе «метров», как тут называют жетоны для Петербургского метро, клейменные хитрым образом на Монетном дворе, убыток небольшой получился. Думал, дороже выйдет.

Не могу удержаться, чтоб не заглянуть все же на оружейный скверик. Мне вроде как ничего и не нужно, а будет нужно – у ребят своих найдется, но ничего не могу с собой поделать – чисто мальчишеское любопытство. Тем более что Беда всколыхнула такие толщи, что случай с самоубийцей, бахнувшим себе в башку из шпилечного револьвера Лефоше, уже и не кажется чем-то удивительным.

Бывает, мне становится очень жаль, что рядом нет моего знакомого – сотрудника Артиллерийского музея, дотошного Павла Александровича. Такие заковыристые образцы попадают, что впору их в музей помещать. И современного оружия полно – опять же самого разного. Запрещено продавать на рынке только детонаторы, взрывчатку, гранаты и боеприпасы к гранатометам, включая подствольные, ну и, разумеется, снаряды и мины. За это дерут так же жестоко, как и в старые времена. Купить ружье, пистолет или винтовку – не фиг делать. Если и есть надзор, то весьма незначительный. Еще тут, пожалуй, единственное место, где принимают в оплату патроны. Правда, строго проверяя за частую. Для Гостиного и шмоткорынка приходится обменивать те же патроны у меня. Там смешно видеть среди лиц, явно не способных отличить калибры от капсюлей, но легко разбирающихся в котировке Ржевских бон, Кронштадтских «метро» и прочих разномастных чеков, талонов и прочих эквивалентов денег, ражих парней, которые, как раз наоборот, ничего не рубят в котировках, зато разбираются в патронах.

Походить по рынку забавно. Угол, где навалены на столы всякие холодные смертоубийства, не очень мне интересен – не умею я фехтовать, но взгляд натывается на неожиданно выглядящего тут норманна в легкой кожаной броне с медными бляшками.

Вполне себе такой настоящий конопатый викинг, даже и с прической в косичках и с усами. Безбородый, правда, а они ж вроде все бородатые были. Но кожаный пояс с кошельком и ножище в ножнах с добрым кинжалом размером – все вполне идентично. Меча только слева нет.

– Купи брейдокс! – улыбается парень, видя, что я на него тарашусь. И показывает внушительный топор на длинной рукоятке. Даже и не топор, а скорее секиру.

– Не, я все больше пальбой, – отвечаю ему.

– Жаль. А то вот пара свежесделанных саксов. Или, на худой конец – годендаг.

– Не, не пойдет. И даже моргенштерн не купил бы.

– Моргенштерн – это правильно, капризная штука и умения требует, и простор нужен – соглашается викинг.

– Я про то же, – басит сосед викинга – вполне себе современный мужичок, торгующий рядом. У него на столе топоры с длинными рукоятками, явно самодельными, а вот сами топоры – обычные плотницкие. Среди свежих, не лакированных даже топорниц проглядывает пара незамысловатых булав – типа слиток чугуна на палке. Ну, и ножи, конечно, тоже у обоих есть, только мне нож не нужен вовсе – Серега в свое время меня озадачил, дав на задании брусок пластилина и попросив сжать его в кулаке. Потом на мой день рождения потребовал копеечку и презентовал сделанный из взятых в «Дуплете» клинка и набора для рукояти нож. Нож, легший в руку, как влитой. После Сережиного виртуозенья эти все, что на столах, выглядят убогими поделками.

– А я слышал, что неизвестно, какой формы годендаг был – замечаю я.

– Глупости – вот он, – и викинг показывает грубую, но внушительную дубину с шипами – Самое то, если умертвие одинокое – выключает сразу.

– А ты, похоже – из реконструкторов?

– А что, заметно? – широко ухмыляется викинг.

– Ну, я вот заподозрил. Только почему бороды у тебя нет?

– Между нами – колется и щекочет. (Парень заговорщицки подмигивает). Не могу прикинуть. Но викинги и безбородые были. А так да, из реконструкторов. Потому и жив остался.

Доспех хоть и старомодный, а вполне от зубов защищает. Да и тут польза – покупатели лучше подходят. Хотя жарковато в нем, это признаю.

Тут викинг прекращает чесать со мной язык, потому что, видя меня, стоящего у столика, по стадному инстинкту начинают подходить другие покупатели, и один из них тут же покупает сакс – недлинный, злого вида меч с односторонней заточкой...

Кроме викинга и мужика с топорами, тут много и других, но – не мое это. Попадают – вот удивительно – шашки в ножнах и – не удивительно – катаны. Как же мы без катан... Никак, самое распространенное у нас оружие было, куда там...

Ноги сами выносят к огнестрелу. Калашы, СКС-ы и прочие ППШ обхожу стороной – эка невидаль. А вот там, где пистолеты – там любопытно. Вот тут всякого богато. Наверно, и в Абхазии такого не было. Мой коллега, любивший там отдыхать из-за малолюдства и дешевизны, сильно удивился, когда хозяйского сына отец послал на рынок за гранатами. И гранаты оказались не фруктами этими, сок которых, по странному мифу, якобы восполняет кровь, а наоборот – обычными наступательными, которые как раз кровушку-то убавляют. Тут гранат нет, зато полно самых разных патронов на любой вкус, ружей, винтовок самого различного сохранил – вплоть до копанных, покрытых раковинами от ржавчины убожеств, – пистолетов и причандалов ко всему этому. Я тут видел и парабеллумы, и кольты, разумеется – наганы и ТТ, куда более редкие машинки вроде «Баярдов» и «Астр», но самоделок гораздо больше. Опять же, самых разных – от грубейшего и нелепого исполнения самопалов и уродливых пистолетов-пулеметов, глядя на которые сомневаешься в том, что они хотя бы первый выстрел переживут, до качественных, мастерски сделанных. Есть тут и такое, только стоит безумно дорого.

Я уже давно облизывался на товар, продаваемый одноногим мужиком – револьверы под разные патроны, но такие элегантные, что кошелек просто из кармана вон лезет. Уже знаю, что мужик – просто продавец, а делается это на Арсенале, тут же в Кронштадте. Черт, красивые револьверы. Особенно мне нравятся почему-то маленькие, уместающиеся в ладонь малокалиберные. И смотрю, появились еще симпатичные поделки – тоже малышки, двухствольные, очень компактные. Вроде бы их «Дерринджерами» зовут. А судя по стволу, патроны-то скорее всего от ПМ. Серьезные малышки. Определенно разорюсь, но такой куплю. Хотя сначала надо бы с ребятами посоветоваться – что они скажут. В принципе, у меня уже есть «Малыш», тоже куда как годный для скрытого ношения. Но все равно руки чешутся...

Как толковал мой приятель: «Реакция мужчины в оружейном магазине и в женской бане одинакова. Глазом бы все поймел, а вот руки коротки и их всего две».

Пока общаюсь с угрюмым одноногим продавцом, рядом – через три стола, на которых лежит всякая охотничья фигня: гильзы, дробь, ложки и приклады, а также гладкоствол разных видов, но по-моему, в основном очень дешевый и не слишком качественный (уж не наши ли стволы, к слову?), да еще какие-то несерьезные винтовки-мелкашки, начинается странная сцена.

Внимание привлекает трубный и назойливый голос, очень знакомый. Навязчиво просвещает убогих и неразумных посетителей в своей непрекращаемой правоте старый знакомый – тот самый Фетюк. Ага, ну точно, культпоход в Колоколамске, не иначе.

– 7,62 мм патрон с уменьшенной скоростью пули УС в 1962 году принят на вооружение. Условное наименование – «7,62 УС», индекс – 57-Н-231У. Этот патрон предназначен для стрельбы из автоматов АК, АКС, АКМ, АКМС, АК-103 и АК-104, это даже дети малые знают, это азбука. Обозначается – вот черный наконечник пули, зеленый ободок. Известная вещь – всякий, кто разбирается в оружии назубок, знает, стыдно такое не знать...

Но я не слушаю читаемую высокомерным тоном лекцию, которой со священным трепетом и почтением к высказываемой мудрости внимает толстяк-продавец и еще несколько зевак, оказавшихся рядом. За Фетюком у того же стола стоит некто Енот, в том самом гопническом прикиде, причем я как-то сразу его не узнаю. Человека обычно встречают даже не по одежке,

скорее – по телодвижениям, и для каждого человека это как визитная карточка – походка, жестикуляция, мимика, осанка. Можно человека переодеть, а его все равно узнают именно по этим признакам. Тут же Енот движется совсем иначе, чем обычно. Вместо скуповатых движений – какая-то вихлястость, мотает Енота, как на шарнирах марионетку, егозливый он какой-то, почесушный. И ростом вроде меньше, и сжупленный какой-то. Но сто пудов – это точно он, хотя я даже первые минуты и сомневаюсь.

– Что этот деятель тут разоряется? – спрашиваю у одноногого.

– А он как на обед идет, так сюда заворачивает, хоть часы проверяй. Консультации тут дает. Совершенно бесплатно, между прочим – ставит меня на место продавец, сам внимательно прислушивающийся к лекции.

Ладно, кладу обратно на стол аккуратную игрушечку серьезного калибра и двигаю домой. А то что-то подзадержался.

На самом выходе из скверика меня неожиданно окликает чисто, но бедно одетый старичок. Его товар – жалкие разрозненные пожитки, расставленные на куске клеенки прямо на земле.

– Молодой человек, купите бокалы!

Останавливаюсь, смотрю. В центре клеенки и впрямь стоят два хрустальных бокала на длинных ножках, один – повыше и покрупнее, другой поменьше и изящнее. Сначала мне кажется, что они покрыты тонким рисунком, но присев и приглядевшись, вижу, что это сеточка мелких белесых трещинок, от возраста. Дедок очень вовремя меня остановил – пить хорошее вино из стальных термкружек как-то нехорошо. А больше посуды у нас и нет, в общем: то, что осталось от прошлых хозяев, пришлось выкинуть, потому как вся их посуда лежала слоем осколков на кухне, а частью и в прихожей. Не знаю, что уж там у них происходило, да и сами они куда делись.

– Ну, знаете, а с чего мне их покупать? Сейчас в городе такого добра навалом. Любого, – спрашиваю я продающего, вертя в руке тот бокал, что повыше.

– А это не любые товары, – немного волнуясь, говорит старичок.

– И чем же? (А бокал хорошо лег в руку. Удобно).

– Жена купила их в день нашей свадьбы. Свадьбы-то и не было, конечно – сбегали в ЗАГС во время обеденного перерыва, расписались. И знаете, эти бокалы оказались счастливыми – нам все время везло, и тут я с женой согласен в том, что они нам принесли счастье.

– Хорошо счастье, если вам их приходится продавать, – замечаю я словоохотливому собеседнику.

– Всему свое время. Было сначала – селедка, водка да молодка. Потом – кино, вино и домино. Увы, сейчас уже подошло к «кефир, клистир и сортир». Кефир из бокалов не пьют. Но нам повезло, а то, что жена из квартиры захватила и бокалы, хотя более важные вещи пришлось бросить, тоже, знаете, многозначительно. Как вы считаете – есть у вещей аура? Ведь не зря же с мертвых вещи не снимают – чревато. Потому те бокалы, что в мертвом городе – они без ауры, причем в лучшем случае. А вот у этих – точно аура счастливой семейной жизни есть. Я вам ручаюсь, – очень уверенно говорит старичок.

– И как проверим? – улыбаюсь я.

– Я здесь часто стою. Особенно когда погода хорошая. Много новостей. Польза тоже есть – то с тем познакомишься, то с этим. Представляете, удалось с внуком связаться. И у него все живы. (Старичок привычно понижает голос, говорит тихо, осторожно) Он у нас ракетчик, так представьте, в их городке сразу ввели карантин – и у них если кто умирает, то не восстает нежитью. Не заразились они, вот ведь как.

– Очень интересно. А где этот городок?

Старичок спохватывается, настораживается.

– Этого, извините, сказать не могу – это, как понимаете, не мой секрет.

Ну да, старая советская выучка.

– Ну, хоть далеко этот городок?

– Сейчас все далеко, – мудро отзывается собеседник. – Но и в старые времена добраться было очень сложно. И далеко, и сложно.

– А узнали как?

– С молодым человеком разговорился. Он оказался из радиокоманды. Вот и проверил по своим каналам.

– И, небось, купил у вас счастливую вещь с аурой?

Старичок капельку смущается, потом отвечает:

– Да. Китайскую пепельницу – знаете, такую – с перегородчатой эмалью. И да, с аурой. Но не такой, как бокалы. Мне эта пепельница, пока я еще курил, помогала ночью работать. Пока она у меня на столе стояла, и спать не хотелось. Я специально это проверял, и без пепельницы меня тут же развозило, а с пепельницей – ни в одном глазу сна.

– Ладно, уговорили. Сколько стоит пара бокалов?

Старичок задумывается. Потом осторожно отвечает:

– Сами по себе старые хрустальные бокалы сейчас стоят ломаный грош в базарный день. Но это же не совсем просто старые бокалы. Будет ли для вас очень дорого, если я запрошу три метро?

Я немножко фигею. Три метро, или «жопа», как называют такую монету циники, или «корона», как прозвали ее нециники, по-иному смотрящие на сложнорисованную цифру 3, выбитую хитроумным способом на Монетном Дворе – это чудовищно дорого для пары стекляшек. С другой стороны, заработать себе на жизнь такому старичку непросто, так что это вполне может быть и такое завуалированное нищенство, как в разгромленной кайзеровской Германии инвалиды войны и дети формально продавали коробок спичек, но куда дороже его стоимости. На паек-то кефир не выделяется, а он еще и беженец явно, дедок этот. Кефир, кстати, нынче тоже чудовищно дорог, если уж на то пошло. Ладно, проверю я его на вшивость напоследок.

– Ну, получается, что счастье можно купить? – спрашиваю я.

– Ни в коем случае, – быстро и уверенно отвечает старичок. – Ни за какие деньги счастье не купишь. Счастье – не кефир, не машина, не деньги. И я никак не продаю вам счастье. Счастье тут продавали молодые люди, и выглядело это счастье белым порошком или комочками – они тут рядом отирались, я заметил. Патруль их забрал – и с концами, слышал, на Тотлебен поехали. Нет, я не продаю счастье.

– Тогда в чем же прелесть бокалов?

– Только в том, что они долго находились в счастливой семье и что, по мнению моей жены, они принесли нам удачу. Аура – сложно определить в двух словах, что это такое. Но у них она есть.

Вздыхаю, тяну из кошелька три монетки с набитыми поверх буквы М витиеватыми единичками. Отдаю дедку. Тот радостно прячет их к себе в карман, начинает заматывать бокалы в газетную бумагу. Наматывает ее столько, что приходится его останавливать, а то складывается впечатление, что он, как старательный скарабей, смастерит такой величины шар, который в самый раз катить перед собой.

Прощаемся не пойми с чего тепло, и даже помалкивавшая до этого Фрейя пару раз радостно тявкает.

Глава 11. Скромная пирушка

Дома встречает почти до смерти оголодавшее за эти несколько часов Лихо Одноглазое. Актерский дар у скотины – он так прикидывается умирающим от голода, что даже у меня начинается обливаться кровью сердце.

– У, морда твоя несытая, – отпихивая его в сторону и насыпая ему жратву, бурчу я. Теперь собаку покормить – и очень негусто времени остается на готовку пирушки.

Вроде и не копался – а уже вечер. Правда, у нас в Питере в это время белые ночи. Не такие, конечно, как, например, в Мурманске, где солнце вообще, по-моему, не садится. Оно крутится по небу как заведенное, отчего нормальным людям приходится вешать на лето практически светомаскировку на окна, но у нас тоже светло.

Вода горячая есть. А вот электричества опять нет. Говоря всякие разные слова, вставляю в здоровенный золоченый канделябр десяток свечей и с такой подсветкой принимаю душ. Романтично до омерзения и главное – не подпалить на этих свечах свои конечности или полотенце.

Это роскошное бронзовое чудище я случайно нашел во время предпоследнего выезда. Откуда это диво музейное взялось в промзоне – никто не понял. Я его и прибрал. (Ну да, помнится, мы и не такое находили – за Парголово, например, в кустах черный рояль стоит). Вот и пригодился подсвечник. Так-то темновато на кухне – деревца свет с улицы гасят. Но со свечками вполне годно.

Сервирую стол, потом рублю салат. Оценив результат, решаю порубить все еще раз – даже для меня крупновато получилось. Единственно, что утешает – святая вера в постулат: хорошие продукты готовкой не испортишь. На это я и уповаю.

Вообще-то, на строгий взгляд сервировка не блещет. Ну да я не дома, а для условий, приближенных к боевым, вполне сгодится. Я успеваю еще как следуют вымыть бокалы, когда в прихожей зажигается свет и раздается веселый голос Надежды: «О, а как вкусно пахнет!» Ну да, свет дали, а я не заметил. Слышу, как соседка с облегчением сбрасывает сапожищи, брякает автоматом, потом на пол плюхается сумка – слышал все это уже, алгоритм один и тот же. Сейчас заглянет на кухню, шутливо принюхается и побежит переодеваться в домашнее.

Из освещенной прихожей падает тень, я поворачиваюсь с миской в руках и вижу, что у вошедшей в кухню Нади открывается рот, но не для того, чтоб что-то сказать, а от удивления – и глаза становятся круглыми, и бровки задираются вверх.

Немая сцена. Где-то родился милиционер, наверное. За окном только кузнечики трещат.

Странно севшим голосом, словно внезапно охрипнув, она как в трансе выговаривает в три приема: «Откуда?.. Как... Как ты узнал???»

Я с тщанием озираю стол. Здоровенный канделябр с завитушками и ангелочками (тяжеленный, зараза) бликует золотом всех своих листочков, ангелочков и прочих деталюшек, обе копченые рыбины матово бронзовеют, словно отлитые из металла, хрустальные бокалы на гранях играют чистыми цветами спектра, темнеют обе бутылки вина и веселой фигней смотрится дрызготня салата (Черт! Забыл заправить маслом и оливки, оливки не положил!) – да вроде все более-менее нормально. С чего вопросы?

Надежда не ждет ответов. Она, словно оглушенная, смотрит на стол, потом приходит в себя, причем я вижу, что глаза у нее на мокром месте, и в то же время выражение у них такое, которое за время Беды видел уже не раз. Человек, когда что-то решает для себя – важное решает; нет, не так – ВАЖНОЕ. (Вот так правильно). Глаза это выражают. И со стороны заметно.

Потом соседка странно улыбается и спрашивает: «У меня есть десять минут?»

– Ну, так не поезд же отходит, конечно, о чем речь, – не вполне удачно говорю в ответ. Она кивает, крутнувшись на месте, выскальзывает из кухни. Странно, так гибко она двигается на выездах – дома словно отпускает ее, и она не такая, а расслабленная.

Насчет десяти минут – это, конечно, ерунда. Десять минут для женщины...

Ну не мне бы рассказывала, я ж не школьник, в самом-то деле. Ага, душ зашумел. Несколько не ко времени приходит в голову шуточка про различие француженок и наших дев. Дескать, француженка выскакивает через несколько минут свежая и чистенькая, а наша выходит через час, красная и распаренная со словами: «А я еще и постирать успела...» Чушь какая-то. Так, что-то надо было еще сделать. Ага, масло в салат. Странно, чуть бутылку не уронил, растяпа. Нет, я так-то спокоен как мамонт. Мерзлый Березовский мамонт... Просто мне жарко что-то. И уши горят. Вроде как я волнуюсь? Пульс частит что-то. Так, что еще? Что-то еще... А, оливки! Точно, их еще в салат надо. И хлеб, хлеб забыл.

Я еще успеваю открыть бутылки с вином и вовремя ставлю их на стол.

Досадно было бы грохнуть их об пол в самый ответственный момент.

А я бы их грохнул.

Определенно.

Потому что когда соседка вошла в кухню, я немножко остолбенел.

Вместо Надежды – медсестры, надежного компаньона и моей соседки по коммуналке нового типа – стояла Женщина. И на это превращение ей хватило действительно нескольких минут. В этом было что-то даже немного пугающее, как она изменилась, ведьминское что-то. Глаза стали больше, ресницы длиннее, брови чернее, губы покраснели и словно припухли. Но это ладно – у меня хватает мощи разума сообразить, что до этого момента Надя никогда не пользовалась косметикой. Но впридачу я ее впервые вижу в платье, причем платье это сражает меня наповал. Оно шелковое, до колен где-то, падает складками и совершенно не виданного мной раньше фасона, мало того – на боку разрез на всю длину сверху вниз, позволяющий видеть белую полоску кожи.

Женщина делает шаг, и ее глаза совсем рядом. То ли язычки пламени свечей, то ли чертеньята пляшут в них. Так-то у Нади глаза светло-карие, но я уже видел, что у нее цвет глаз меняется. Когда она пристрелила правозащечника в Крепости, я четко видел, что радужка потемнела, став совсем темной. А теперь – поклясться готов – можно сказать, что глаза зеленые.

Я чувствую ее дыхание. Молчим.

Наконец, меня немножко отпускает, и я с некоторым усилием выговариваю: «Прошу к столу!» Она самую чуточку улыбается и грациозно садится на подставленный мной стул. Что-то жарко мне. И руки как-то трясутся, когда я наливаю светло-соломенное в свете свечей вино ей в маленький бокал и себе – в тот, что побольше.

– Итак? – лукаво смотрит она на меня.

– Гм. Надо полагать, я должен – как старшая из присутствующих здесь дам – произнести тост? (Откуда такая чушь взялась? Вообще, что за ересь я несу?)

– Разумеется – ироничный поклон в мою сторону.

С трудом удерживаю жесточайшей судорогой шеи не пойми откуда рвущееся «За прекрасных дам!», потому как чувствую, что это сейчас будет совершенно не к месту.

Внятный внутренний голос отчетливо спрашивает: «Ты попошли, попошли, дурачина. Из шансона еще что спой. Из Любы Успенской! Интересно, получишь рыбиной в морду, или вином плеснет?»

Совет уместный. Все, надо взять себя в руки. Мысли расползаются...

– Давайте выпьем за маленькие радости в жизни. Тем более что их – эти маленькие радости – в нашей власти устроить. А жизнь, в общем, и состоит из этих маленьких радостей.

Внутренний голос ретранслирует с дикторскими интонациями: «Масляное масло масляно маслилось...»

– Идет! – отзывается Надя, и бокалы встречаются в воздухе где-то посредине между нами. Свой она взяла немного высокомерно, потому певучий звон – только от моего, ее глуховато брякает.

– Странно, – говорит она, пригубив вино, – почему мой не зазвенел?

– Надо взять его ниже немного. Ага, вот так, чтоб сам колокольчик и большая часть ножки не в руке были.

– Вот так? – спрашивает она и неожиданно ловко звенит своим об мой.

– Конечно, сами же слышите.

– Красивый звук.

– Венецианцы считали, что звон бокалов отгоняет грусть и злых духов.

– Возможно. Как и колокола размером побольше. А почему вы не пробуете вино?

– Да как-то задумался.

Покачиваю бокал так, что вино омывает стенки, нюхаю ароматный запах и пригубливаю. Хорошее вино, добротное.

– И что это вы такое делали?

– Это? А так учили дегустировать вино. Был в Абрау-Дюрсо – там как раз на знаменитом винзаводе показывали и растолковывали, что да как.

– Это в Крыму?

– Ага. (Но внутренний голос тут же поправляет, напоминая, что как раз не в Крыму, а через пролив – на Тамани, это Массандра в Крыму – впрочем, не мудрено перепутать, в Массандре вина не хуже были).

– И вот так надо крутить вино в бокале?

– Точно. И потом ощутить аромат.

Она повторяет мои действия. Признаться, я не уверен, что сам все сделал правильно, но тут нельзя показывать свою неуверенность. Потому что если девушка умная, то она этого «не заметит», а глупая... Да в конце концов – меня учили так, и все тут. Особо секретный способ самых великих знатоков-дегустаторов.

– Приятный запах. Как, на ваш вкус, вино? – спрашивает Надежда.

– По-моему, очень хорошее. Но я не настолько знаток, чтобы сказать этакое положенное: вино из Авиньона, третий холм слева, западный склон, урожай 1955 года.

– Тогда мне пришлось бы тоже умничать и поправлять: мол, не третий, а четвертый холм и склон скорее северо-западный, а уж урожай точно 1956 года. Даже точнее – 1957 года. Кстати, а не перейти ли нам на «ты»? Это не будет нарушением субординации?

– Ну, мы же не в больнице. Но в больнице я все равно буду выкать.

– Как скажешь – так и будет.

– Хорошо звучит.

– Это игра была такая у наших девчонок. Скажем, договоримся с подружкой – и сегодня я так ей отвечаю, а завтра – она мне. Делать ничего не надо, но почему-то очень приятно такое было слышать. Если плохое настроение – очень помогает.

– А ведь действительно – приятно. Даже если и игра.

– Тогда я сегодня вожу. И как скажешь – так и будет. А кстати, обычно же в застолье для того, чтобы перейти на «ты» с дамой, на брудершафт положено выпить?

Под ее внимательным прозрачным взглядом я несколько теряюсь.

Тут же изпод лавки вылезает все тот же внутренний голос и ласково предлагает: «А ты расскажи своей визави, что ты пахорукий, и когда в последний раз брудершафтил, то вылил Маринке в вырез декольте полбокала ледяного шампанского!»

Сволочь! И декольте было замечательное, и шампанское отличное, а вот как-то не сошлось. Шизофрения какая-то самому с собой беседовать.

Тот же голос спокойно опровергает диагноз: «При чем тут шизофрения? Не сиди тюфяком – видишь же, волнуется девушка, хочет, чтоб ее поцеловали до поедания рыбы. Хотя зря это она переживает: если вы оба будете пахнуть, как пара тюленей, то все будет в порядке, никто ничего не заметит. И не спрашивай, что это, дескать, „все“ такое? Не вынуждай тебе отвечать в духе Филимонидеса».

– Да знаете, Надя... То есть, знаешь ли – это вообще-то хлопотное дело, я, честно признаться, просто опасаясь запутаться в руках, не доводилось как-то раньше. Я вас... ну то есть тебя просто поцелую, а руки калачом вертеть мы будем как-нибудь потом, а? А выпьем немедленно вслед за тем как?

– Как скажешь – так и будет, – послушно отзывается Надежда. И подставляет губы.

Целоваться она совершенно не умеет. («Или умеет настолько хорошо, что может великолепно притвориться, что типа совсем не умеет», – ставит меня на место внутренний голос).

Когда наши губы размыкаются, она открывает глаза.

– Я помню, что ты сегодня не обедала, и хочу, чтобы ты отдала должное тому, что я добыл путем хитрости, обмана и подкупа. Хорошо? – отвечаю я ей на ее вопросительный взгляд.

– Как скажешь – так и будет. С чего начнем? – вздохнув, отвечает она.

– С глоточка этого отличного вина. И с салата. Как говорил один мой знакомый древний грек, сделано по рецептуре Одиссея, царя Итаки. Впрочем, Ахилл тоже такой любил, но не умел готовить. Ну, и рыба, конечно. Как?

– Очень вкусно. А кто этот знакомый древний грек?

– Некий водолаз. Он рыжий, голубоглазый и квадратный.

– О, а я его видела! А почему он древний грек?

– Черт его знает. Наверное, потому, что его родители греки. И дедушки с бабушками. А древний – знакомы уже давно. Целую вечность. Еще салата?

– Благодарю. Рыба великолепная. Во рту тает. Если окажется, что ты ее сам умеешь так готовить – мне придется поклоняться тебе, как высшему существу.

Помня, что врать грешно, а отказаться от поклонения тоже как-то жалко, я съезжаю с темы.

– Вот, кстати, насчет рыбы. Этот самый водолаз предлагает посещать бассейн. Сейчас уже жарко, самое то поплавать. Как ты к этому относишься? – спрашиваю я медсестричку.

– Интересные ассоциации. Увы, я не рыба. Я утюг или топор. В смысле умения плавать. Плаваю быстро, но строго вниз. Налей.

– Так можно же научиться.

– Да, я помню. Метод обучения «Спихни ее с мостков».

– Нет, это уж чересчур. Я уверен, что есть и более гуманные способы.

– Как скажешь – так и будет...

Рыба и впрямь оказалась гвоздем меню. Придется идти на поклон к пионерам, чтобы научили, как ее такую делать. Я вообще-то к рыбе отношусь достаточно прохладно, но это кушанье с очень нежным вкусом поразило. И Надьке определенно тоже понравилось. Апельсины она восприняла достаточно спокойно, а вот боуль, сделанный из енотовых персиков и прочего найденного в закормах родины ее приятно удивил. Всего-то фрукты с вином, а всегда срабатывает отлично...

Голова немного кружится. Из открытого окна веет теплым ветерком.

– Луна сегодня какая здоровенная! – замечает Надежда.

– Ну, еще даже не полнолуние.

Ее рука ложится на край стола. Наши пальцы встречаются. Пальчики у нее тонкие, нежные, с коротко остриженными – по-медицински – ноготками. Глаза ее блестят, и взгляд очень откровенный.

Внутренний голос, до того помалкивавший, наконец, просыпается: «Вставай и целуй девчонку. Видишь же, что ждет и боится, что ты сейчас пожелаешь ей спокойной ночи и свалишь дрыхать. Пахнете вы оба сейчас совершенно одинаково, так что выхлопом ты ее не напугаешь. Да и сам не напугаешься. Давай, пошел, нечего рассиживаться сиднем!»

Надя гибко поднимается мне навстречу. Я обнимаю ее, и неожиданно для меня самого рука попадает в разрез этого демонического платья. Прикосновение ладони к нежной коже на талии прогоняет по мне легкую истомную дрожь. И я чувствую, что женщина ощущает то же. Словно искра проскочила между нами.

– Только, пожалуйста, не торопись, не торопись, ладно? – шепчет она между поцелуями.

И, к моему удивлению, внутренний голос ничего не говорит, никак не комментируя происходящее. Мне самому, наконец, приходит в голову, что двум взрослым людям вполне можно целоваться и на кухне, но при пустых комнатах выбор места несколько странен. С трудом отрываюсь от теплых пухлых губ и легонько тяну девушку за собой в свою комнату.

Я не успеваю глазом моргнуть, как неувлимым движением она роняет с себя это свое странное, но чертовски элегантное платье и вышагивает из него, оставшись только в трогательных трусиках и туфельках, делающих ее ножки очень маленькими – я же привык видеть ее в берцах... Вижу сияющие глаза совсем рядом, потом уже не до того, чтобы разглядывать глаза. У нее очень нежная кожа, ее очень приятно гладить, ощущая теплую шелковистость, только на спине какие-то длинные рубчики, сбивающие неожиданными преградками плавный ход ладоней...

– А почему ты не спишь? – шепотом спрашивает она меня потом.

– А почему я должен спать? – так же шепотом отвечаю я.

– Вам положено так делать.

– Не знаю, что нам положено, а спать совершенно не хочется.

– Тебе не тяжело? – задает она совершенно нелепый вопрос.

Ну да, разумеется, она лежит так, как почему-то очень любят лежать многие женщины: прильнув к мужчине, положив ему голову на плечо, руку на грудь и закинув согнутую в колене ножку аккуратно на то место, где спереди у мужчин соединяются обе ноги.

– Что молчишь? – осторожно спрашивает она минуту погодя.

– Не знаю, как ответить. Особенно учитывая, что я гораздо тяжелее тебя и после того, что мы тут вытворяли, я очень удивляюсь, как ты вообще задаешь такие вопросы. Мне впору спрашивать об этом тебя, хотя показалось, что тебе тяжело не было. Ну, а мне после такого странно даже сравнивать.

– А что мы тут вытворяли? – невинно спрашивает медсестричка.

– Всякое, – веско отвечаю я. Потом, помедлив, признаюсь: – Вот ведь досада, я и сейчас могу описать, что куда полетело, когда я три дня назад уронил при ассистенции поднос с инструментарием, и кто как на меня уставился. Хоть картину рисуй. Но связно описать все, чем мы занимались полночи... Нет. Не выходит – только эпизодами и кусками.

– Тебе не понравилось? – обеспокоенно спрашивает она.

– Нет, что ты, было великолепно. Действительно великолепно. Ты замечательная! Но вот связно вспомнить – не получается. Почему-то всякие паршивости запоминаются навсегда и с первого раза, а что прекрасное – так шиш.

– Это мудро природа сделала, – успокоенно и рассудительно выговаривает Надежда.

– Что именно?

– То, что гадости и глупости запоминаются с первого раза, чтобы человек их не повторял. А вкусности можно и повторить. Как ты относишься к тому, чтобы повторить?

– С одобрением. С полным одобрением!

Глава 12. Внутренний голос

Она засыпает первой. Я успеваю немножко погордиться собой – и вырубаюсь моментально, даже толком не догордившись как следует.

Просыпаюсь оттого, что чувствую на себе взгляд. Сначала первая мутная мысль, скорее даже не мысль, а какой-то огрызок таковой, что это опять Лихо приперся за жратвой и на меня своим оком таращится. К счастью, это не он, здесь есть еще кому на меня смотреть.

– Как насчет завтрака в постель? – спрашиваю я Надежду.

Она вздрагивает от неожиданно бодрого голоса.

– А что, такое возможно?

– Запросто! Что мэм предпочитает на завтрак?

– Кофе. Черный. Сладкий. С булочками. И еще какую-нибудь футболку большого размера.

– Надя! Не ерунди.

– Это ты о чем?

– О том, что зря комплексуешь из-за стрий на груди. Они тебя совершенно не портят, поверь мне. И, кстати, если ты мне покажешь свои груди при солнечном свете, я гораздо быстрее приготовлю завтрак.

– Это обязательное условие для приготовления завтрака?

– Ну, вообще-то нет, конечно. Но вид женских сисе... то есть грудей, персей меня приводит с давних времен в прекрасное расположение духа.

– Это с каких же, интересно, времен? – подозрительно смотрит на меня женщина.

– С глубокого детства. С грудничкового возраста. Мне так и рассказывали – как титю увижу, так сам не свой становлюсь от радости. И я не один такой, сколько ни видел младенцев – все поголовно такие.

– Что ж. Раз уж так, ладно. Любуйся! – и, скинув с себя простынку, Надя открывает две аккуратные кругленькие сись..., то есть груди, увенчанные коричневыми сосочками. На белой нежной коже и впрямь есть атласно-розовые растяжки, возникающие у тех девчонок, у которых груди появились очень быстро, и кожа не успела за таким ростом, вот ее и растянуло. Ну, или еще у кормящих, хотя тут ясно – еще не кормила Надька никого. С моей колокольни – ничем это вид кругленьких шедевров природы не портит.

– Мой любимый цвет! Мой любимый размер! – выражаю я свои ощущения и спешу на кухню, чтобы сварганить завтрак – до сбора у нас еще есть время, успеваю нормально.

Подушкой все же Надька в меня кинула.

– Ну и как? – спрашиваю я Надежду, сосредоточенно разбирающуюся со стоящим на подносе завтраком.

– Очень непривычно, – серьезно отвечает она, намазывая горячий ломтик хлеба малиновым вареньем.

– Ну, вообще-то должна быть специальная подставка для подноса. Не на живот же его ставить, вот мне и пришлось запихнуть скамеечку в наволочку. Поднос – наличествует. Ну и все, что на подносе. Самое кислое – можно опрокинуть на себя горячий кофе, а потом оставшиеся в постели крошки черствеют и становятся проблемой. Но девушкам это нравится. Вот я и постарался.

– И что еще нравится девушкам?

– Всякие глупости. Почему-то многие думают, что для любви надо насыпать в постель и ванну лепестков роз, простыни должны быть обязательно шелковыми и все должно происходить обязательно при свечах, да еще чтоб и свечи были в высоком подсвечнике.

– А это не так? – спрашивает как-то слишком вежливо Надя, протягивая мне бутерброд.

– Да глупости девчачьи. Эти дурацкие лепестки моментально сохнут, прилипают к разгоряченному телу как банный лист, а потом либо забивают сток в ванне, либо сохнут, забившись в складки белья, и гербарий этот приходится вычесывать отовсюду. Простыни шелковые скользкие, и либо сам свалишься, либо они с кровати съедут не вовремя. Опять же, влажнеют моментально, а люди взмокают изрядно – льняные простыни влагу на себя берут, а шелковые нет. Получаются любовники – как из бани, скользкие и мокрые. Про свечки в высоком подсвечнике вообще разговор простой – от эээ... вибрации легко вываливаются и падают. Пожар можно устроить, а сгоряча не сразу и заметишь. Не, свечи для любовных дел – только в плоской прозрачной вазе, воды туда и свечки плоские пускать плавать. И красиво, и не подпалишься...

– И откуда это тебе все эти тонкости известны? – весьма ледяным тоном спрашивает подобрившаяся Надежда.

Давлюсь кофе, который только что начал пить, и в очередной раз выслушиваю свой внутренний голос: «Чуешь, какой я хороший: что ни скажу – никто, кроме тебя, не слышит. А ты как помелом бряк-бряк. Язык без костей в тридцать локтей!»

– Я это в Интернете прочитал. Предупрежден – значит, вооружен! – и честным взглядом смотрю в самый точный детектор лжи – женские пытливые глаза.

– Надо же, и впрямь не врешь! – удивленно отмечает успокоившаяся любовница.

Внутренний голос тут же ехидно заявляет о себе: «Конечно, правда. Когда сам пишешь – сам же и читаешь. Не мог же ты написать, не читая... Но молодец. Выкрутился. А сейчас перехватывай инициативу, атакуй!»

Дельный совет. Потому тут же спрашиваю успокоившуюся Надежду:

– А ты ревнивая, однако?

Она как-то удивленно задумывается.

– Странно как-то... Да, наверное. Хотя, скорее, нет. Но ведь обидно же?

– Обидно.

– Ты о чем?

– Сюшь, ничего нэ сдэлал. Зашол только, да! – пытаюсь подражать незабвенному товарищу Саахову, говорю я в ответ.

Надежда вопросительно смотрит поверх чашки с кофе.

– Ну, это я в смысле, что ревнивый человек – мрак и печаль для окружающих. Я с некоторых пор вообще ревнивых считаю сумасшедшими. Или сильно-сильно закомплексованными.

– Чей-то муж побил? – с лицемерной участливостью ехидно спрашивает девушка, только вот глаза у нее становятся чуток более встревоженными, что ли...

– Не, этого не бывало. Мы же интеллигентные люди! Тем более что я давно приучен – как муж в дверь, так я его табуреткой по башке. Не, тут все отработано: долголетняя практика, отточенные приемы, да и табуретку я всегда с собой приношу. И сейчас – вон видишь, стоит на боевом посту, – указываю пальцем на тяжеленное дубовое чудовище, доставшееся нам в наследство вместе с квартирой.

Надя облегченно улыбается. Что-что, а эту табуретку она отлично помнит, ухитрилась ссадить об нее колено в первый же день. Я еще на грохот и брань выскочил, полюбовался, как соседка на одной ноге скакать умеет.

– А сам ты ревнивый? – спрашивает она меня.

– Не-а.

– Что, совсем – совсем «не-а»? – удивляется Надя.

– Конечно. Тут ведь все просто.

– Да? Расскажи, пожалуйста! – она по-школьному складывает аккуратно руки на краешке подноса, как на парте, и внимательно смотрит взглядом восхищенной первоклассницы-отлич-

ницы. Полное впечатление несколько смазывают обнаженные груди, нахально торчащие сосками и сбивающие меня с полета мысли.

– Кгм... так вот... значит, все просто... («а ты смотри в глаза» – выручает дельным советом внутренний голос), так вот, все просто: ревность – ощущение того, что кто-то лучше тебя.

– Меня? – голосом примерной ученицы переспрашивает Надежда.

– Смотря, чья ревность. Если ревность твоя – то тебя, если моя – то меня. Записала?

– Ага. Кто-то лучше тебя. Очень обидно.

– А вот и нет. Если твердо убежден, что лучше тебя никого быть не может – все гораздо легче. И если променяли – то дуры набитые. Как тот балбес из байки, что коня на гуся поменял. Вот пусть с гусем и живут.

– И помогает? Что, не бросали никогда? И сам не бросал? – и она старательно хлопает ресницами.

– Как-то ты слишком заинтересованно спрашиваешь.

– Да слыхала, было дело, что уж одна-то девушка у тебя была. Не хотелось бы встречать ее табуреткой.

А, вон оно что! Видимо, Надежда не относится к тем, кто считает, что секс – еще не повод для знакомства. Ну, вообще-то я и сам такой. По-моему, уж куда как повод.

– Тут, понимаешь ли, дело такое, что, собственно, мы решили отдохнуть друг от друга. Подумать, так сказать, в отдалении.

– Что, все покрылось льдом? Сгорело огнем и замерзло? – пытается по старой женской привычке разобраться досконально в такой тонкой и запутанной материи, как человеческие отношения, Надежда.

– Ни то, ни другое. Отношения были теплые, даже не горячие, а сейчас стали совсем тепловатыми. Ну, в общем, как в той шуточке, в которой говорится о паре. Они счастливы, хотя такие разные: она любит шумные компании, а он, наоборот, обожает почитать в уединении; она обожает горы, а его тошнит от высоты; она в восторге от хэви-металла, а ему нравится кантри; но, тем не менее, они очень счастливы – он в Новороссийске, а она в Хабаровске. Как-то так.

– А ты, оказывается, скучный рутинер, да?

Тут мне ответить сложно. Но то, что первую проверку на детекторе лжи я прошел отлично, подвигает меня на дальнейшие свершения.

– И вовсе нет. Просто многое, что внушается, как романтика и экзотика, на деле чушь свинная. Нет особого смысла бегать по кругу, выложенному граблями, если со стороны и так видно, что это за удовольствие.

– В Интернете прочитал? – и она мне смешливо подмигивает.

– Именно в нем! – честно пучу я глаза.

– И что же ты там такого начитал, разрушитель девичьих мечт? Или мечтов?

– Мечтей. Ну вот, например, что любовь на сеновале, или на пушистом ковре или, например, в волнах прибоя – верх романтики.

– А это, надо полагать, не так? – почему-то Надя перестает улыбаться.

Внутренний голос тревожно шепчет: «Если б у меня была красная лампочка, то я бы ей начал мигать. Не стоит ли тебе заткнуться? Что-то сильно не так!» Голос, безусловно, прав, будь он неладен, но сворачивать тему – не лучше получится. Выбирая слова, говорю об общеизвестном тем, кто рискнул проверить романтику на себе: про сбитые в кровь коленки и локти и потертости на крестце и лопатках у тех, кто прельстился пушистой негой ковра; про то, что попутно парочка собирает грязь, которая почему-то находится даже в тщательно пропылесосенном ковре. Про исколотые сухими травинками спины и бока и опять же пыль и мышей. Про потертости от песочка, который есть даже в прозрачной воде...

Надя сухо благодарит за прекрасный завтрак и недвусмысленно уходит к себе в комнату. Мда... Внутренний голос может и помолчать. Я и так понимаю, что в неизвестной для меня

прошлой жизни девушки было нечто. Такое нечто, что вот насчет сеновалов и ковров — не стоило мне бравировать информированностью. Не то вышло. Совсем не то.

Мда. А так хорошо началось...

Глава 13. Рутина

Впрочем, выходим мы вместе. Надька надулась и потому молчит. Но непроизвольно старается идти в ногу. С одной стороны, это признак заинтересованности девушки. Да и дуются они, кстати, чаще на тех, кто им близок, а на неинтересных как раз не обижаются. Или просто прошла где-то строевую подготовку и сейчас марширует непроизвольно, как дрессированная цирковая лошадь?

Черт ее знает, чужая душа – потемки.

Ребята уже все собрались, ждем майора – он должен прийти с развода и сообщить наши задачи на сегодня. Пока Фрейя радостно здоровается с нашими, замечаю, что Енот непривычно серьезно советуется с Серегой, они рассматривают какую-то сильно потрепанную малокалиберную винтовку весьма невзрачного вида, да еще и с битым ложем. Слышу что-то вроде: «мушку, конечно, спилить, глушак вполне поставить можно и коллиматор, конечно – вполне себе толковая будет вещь, дельно придумано, кста и глушаки, похоже, есть подходящие».

– Самое то, спилить ему мушку, засранцу – внятно бурчит Ильяс, неприязненно поглядывая на Енота. И тут же по-сержантски цепляется, благо тот, вынимая что-то из кармана, уронил на пол несколько блестящих медью патрончиков к АК. Носы пуль у этих странно знакомых мне патронов покрыты черным и зеленым лаком.

Ильяс подхватывает с пола подкатившийся к его ногам патрон и тут же строго спрашивает у растеряхи, откуда тот взял патроны УС. Енот уклончиво толкует про случайную счастливую находку.

Ильяс горячится: «Где взял? А ну, давай в казну – на заданиях пригодится! Нам оно надо!»

Енот мнется и скрипучим голосом заводит: «Нам таки не надо, поверьте мне, Илья, оно нам совсем не надо! Шобь я жиль в Сочи и не знал прикуп!»

Снайпер не отстает: «Как это не надо! Это же УС! Нам их по счету дают. А если у тебя есть выход – то выкладывай, где и как добыть?»

Заинтересовавшийся перепалкой Андрей забирает из пальцев Ильяса патрон, осматривает его, подкидывает на руке, вертит в пальцах. Его пальцы движутся словно сами по себе, так нежно обращаясь с медной штуковиной, что мне в голову приходит нелепое сравнение с лаской пальчиками женского соска. Нет, определенно я сегодня не в порядке, а потому, пока внутренний голос не ожил, сразу же сравниваю с приличным: так чутко пальцами слепой мог бы читать книгу по Брайлю. Потом Андрей, хмыкнув, достает патрон 7,62x39 обычный, забрав его из рожка в моей разгрузке. Выковыривает аккуратно пассатижами из своего легендарного мультитула пули из обоих – пули совершенно одинаковые. Высыпает порох из гильз на газетный лист – заряды точно идентичны, это даже я вижу. Меняет пули в гильзах местами – показывает Ильясу.

Ильяс ворчит про хитропереподвыпернутых охламонов, Енот бурно и горячо оправдывается: «Он сам сказал, что ПБСа у него нет, но я объяснил, как настроить – и сказал же ему – вблизи разницы мало! А ствол мелкашки нам в самый раз!»

Ильяс ворчит неразборчиво, косо посматривая на сидящую напротив Надежду, которая тоже выглядит понимающей, что тут происходит. Видно, что ее присутствие оказывает сдерживающее влияние на речевую функцию снайпера. Андрей же откровенно посмеивается.

Оживший Енот самодовольно заявляет: «У меня еще „со смещенным центром тяжести“ есть, целая пачка... вот...» И он гордо показывает на ладони вполне обычную открытую пачку патронов. Вид у них совершенно феерический, потому что носики пуль выкрашены, как аэродромная «колбаса» для определения силы и направления ветра, в бело-розовые полоски. Сразу

же в голову приходят идиотские мысли о том, что такими пулями надо стрелять из розового автомата.

Ильяс все-таки, не удержавшись, матерится, все ржут. Курсант Званцев по прозвищу Рукокрыл, неосмотрительно приложившийся в такой момент к фляжке, неожиданно и для себя, и для окружающих пускает носом две струйки компота и начинает, хохоча, плакать и чихать. От этого ржач нарастает до самумной густоты. Фрейя прыгает и лает, добавляя свой вклад в общее веселье. Я бы с удовольствием присоединился, но не вполне понимаю, с чего это ребята так легли впокатуху. Кроме меня недоумевает еще Саша, а сидящий рядом со мной Андрей только умудренно улыбается.

Когда я совсем уже собираюсь спросить Андрея, в чем тут фокус, наконец, заходит майор. Встаем, приветствуем. Видок у майора мрачноватый.

Новости и впрямь не очень приятные. Компания конкурентов, не слишком мудрая, решила отловить Блондинку нормальной такой блондинколовкой – сделали прочную клетку с захлопывающейся дверкой, приспособили там приманкой выклянченные в госпитале ошметки послеоперационные и расселись по засадам. К ловушке приперлось три шустера, которых положили издалека из АК с ПБС. А когда собрались отходить – недосчитались сидевшего на номере парня. Соседние номера ничего не слышали и не видели, а судя по следам, морф аккуратно зашел сзади и снял охотничка моментально без шума и возни – парень даже не рыпнулся. То, что автомат так и стоял прислоненный к стенке, а на пути отхода попался раздавленный плеер с наушниками, позволило предположить, что покойный дурень сидел и кайфовал, музыку слушал...

Труп, в конце концов, нашли по кровавой дорожке, только морфуша успела выдрать из него несколько здоровенных кусков мяса. Вряд ли могла сразу столько сожрать – скорее всего, унесла. В ходе преследования еще один охотник сломал ногу – свалилась куча ржавых труб. Сама свалилась или помог кто – неясно.

– Кого посылают сегодня? Это ж в черте города получается такое безобразие, опасно ведь? – спрашивает Серега.

– Сегодня – никого. Нет резона, только усилят патрулирование по периметру. А назавтра я напросился.

– Стоило ли? Мы уже разок там облажались – осторожно напоминает Ильяс.

– Вот именно поэтому. Нельзя уходить с надранной задницей и поджатым хвостом. Кабанова заверила, что сегодня морфиня будет еще в форме. Мясо, однако, постарается сожрать все и завтра как раз будет его усваивать. А это, по науке, снижает все параметры морфа, причем сильно. Вялый будет морф, заторможенный – наша некробиолаборатория ручается. Кроме того, есть одна идеяка получше примитивной мышеловки.

– Какая? – интересуется Андрей.

– Завтра увидите. Достаточно сумасшедшая, потому может сработать.

– А на сегодня что за задача? – уточняет снайпер.

– Сейчас девочка придет симпатичная. Садистка – зубодерка. Шучу. Стоматолог. Судя по ее рассказам, есть теплое местечко, где полно материалов для зубопротезирования и оборудования для этого. Это вам не грязное золото с улицы собирать.

Майор с выражением смотрит на Ильяса. Тот опять начинает кряхтеть, потом все же выдает: «Да с кем не бывает-то!»

– Ага, и на старуху бывает проруха, а мы тут еще молодые. Короче, как придет наша провожатая, так сразу и поедem. Там, что характерно, рядом рынок «Юнона» и пара других теплых местечек. Потому заварена довольно крутая каша.

– В каком смысле?

– В смысле, что отрабатывается методика «Гаммельнский Крысолов», как ее какой-то штабной умник окрестил. Зомби на шум идут – вот их и отвлекают куда подалее всякими

шумом-треском-блеском. И кажут фейерверки. Стрельбы получается мало, только по шустерам и морфам. Соответственно, работать проще. Штаб, просчитав результативность, пришел к выводу, что отстрел годится только на полностью зачищаемой территории, а просто пальба в городе увеличивает популяцию шустеров, и это чревато боком. Опять же экономия боеприпасов, да и риска меньше.

Ну. Это, на мой взгляд, логично. Вот когда зачистили Елагин остров – там упокоили всех зомби, и на их телах никто не отожрался, потому в окрестностях сравнительно тихо. Теперь в парке огороды разбиты везде, где можно. Деревья рубить начальство запретило, и еще там есть особо известный «Масляный луг» с шелковистой, блестящей на солнце травой – тоже с ним развели мерихлюндию. А у Петропавловской крепости было много стрельбы, и теперь шустеры покоя не дают. А ведь в начале даже и радовались мы сдуру, что зомби сами себя подьедают, и нет возни с телами...

Наконец, в комнату заглядывает одетая в какой-то странный, красного цвета костюм ядреная бабенка. Оглядев бойко нашу артель, находит глазами майора и заходит.

– Здравствуйте! Я ведь с вами еду? За стоматологическими делами?

– С нами. Располагайтесь. Вы в город уже выезжали?

– Какое там, работы было выше головы – тут стоматология была в поликлинике, рядом со Скорой помощью, так что штатное расписание сильно не заполнено. А зубы болят у всех, невзирая на происходящее. Отпустили меня сегодня со скрипом. Мы там впятером работаем, я даже хирургию освоила, хотя не люблю я хирургию. Я по специальности стоматолог-ортопед.

– Это как так? – несколько двусмысленно осведомляется Ильяс.

– Пока зуб можно лечить – им занимаются стоматологи-терапевты. Когда уже нельзя – стоматологи-хирурги. А вот чтобы восстановить наличие зубьев во рту – тут как раз мы нужны, ортопеды. А есть еще и техники-протезисты, они непосредственно все изготавливают для установки на место. И рентгенологи, разумеется...

– Ясно, по дороге договорим, нам еще плыть и плыть – осекает разговор Брысь.

– То есть нас не самоходом гонят? – уточняет очевидное Вовка.

– Нет, водой идем на кронштадтской посуде до порта, а из Портового холодильника нас грузовым транспортом доставят до поликлиники.

– В бэтре поспокойнее было бы, – замечает Серега.

– Нерентабельно. И моторесурс «Найденьша» побережь не грех, и топлива у нас не цистерны. Тем более что там вроде бы все и так неплохо организовано, вполне чужими грузовиками обойдемся. Мне главврач говорила, что еще есть нюансы. Короче говоря, сегодня работаем на их колесах.

Когда идем на посадку, тихо говорю на ушко хмурой Надежде: «На сердитых воду возят. А на дутых – кирпичи!»

– Да я не дуюсь. Я думаю, – тоже тихо отвечает она.

– А, ну тогда ладно. Думай, – а что еще скажешь, больше ничего в голову не приходит.

Тут меня окликает майор, и приходится, не закончив разговор, идти к начальству.

Выясняется, что зубодеры находятся рядом с двумя другими поликлиниками – вот майор и хочет уточнить, что еще там можно полезного раздобыть. Мне поневоле вспоминается, как в самый первый день моего знакомства с охотничьей командой мы как раз выносили все из моей поликлиники. Небогато, конечно, получилось. Нет, конечно, для одной нашей команды – вполне себе даже много, но вот масштабы у нас теперь уже другие, и думать надо даже не по меркам Петропавловской крепости, а уже по Кронштадту. И тут жалкие несколько сумок медикаментов теряются, как дробинка на пляже. Хорошо еще, что проводница наша уверяет – мы из ее поликлиники наберем столько, что не понадобится блукать по соседским поликлиникам.

Решаем на месте смотреть, что да как тащить. Командир подзывает по очереди командиров троек советоваться – карту района все уже посмотрели.

Каким-то образом оказываюсь в хвосте отряда – идем-то мы вроссыпь, не колонной. Последним достаточно молодцевато скачет Енот.

Я собираюсь было спросить его насчет сегодняшнего утреннего ржача по патронам, но он достаточно внятно выговаривает себе под нос неожиданное: «Ея чуткая девичья натура не устояла пред столь дерзким его натиском, и он овладел ею, приняв в дар ея добродетель...»

И смотрит невинными грустными глазами.

– Это ты на что намекаешь, интересно?

– Какие намеки, что вы – никаких намеков. Я прямо и безапелляционно спрашиваю: оставшиеся две сотни медных на патроны к ПМ махнешь?

– Енот, ты вот допрыгаешься, ей-ей.

– Поздно предупреждать, – печально заявляет колченогий, – я уже родился. Да и что ты так освирепел? Я ж ничего не сказал.

И опять грустно смотрит бархатными глазищами. Гад чешуекрылый.

– Ага, тридцать сто раз.

– Помилуйте, как можно! Патроны-то поменяешь? У меня еще, к слову, персики остались.

– Ладно, разберемся.

Отправляемся со Средней пристани на банальном речном трамвае, какие раньше возили туристов по каналам и рекам. Народу набилось много, кроме нас еще матрозов взвод, да штатских мужиков куча. По разговорам – грузчики вроде, хотя походи разберись. Знакомые компьютерщики так сами же и грузят, что тянут с «Юноны» – общался недавно. Нам вроде бы на сегодня грузчиков не дали – дескать, там все легкое будет, сами не дети, управитесь.

Устраиваемся на открытой площадке – на корме посудыны. Места мало, но расселись.

Как-то совершенно автоматически выходит, что обе женщины – что Надя, что стоматологиня, оказываются в центре, а мы совершенно неосознанно окружаем их. Надя по-прежнему хмурится и в разговор не лезет, а ортопедша, наоборот, вертит головой и откровенно радуется прогулке. Корытце довольно шустро чапает из гавани, за нами идет еще пара таких же и пустые грузовые. Те, которые попадают на встречу, – наоборот, с грузом, набиты под завязку. В общем – оживленно сейчас в гаванях, снует всякая такая водоплавающая техника, много чего городу надо, да еще и на зиму запасы делаются.

– Скажите, сколько груза брать будем и что именно особо ценное? Стоматологические кресла? – спрашиваю я вертящую головой стоматологиню.

– Нет, что вы. Там есть куда более ценные вещи, – отвечает она, расстегивая свою куртку и отдуваясь. Ну да, жарко сегодня, и хотя от близкой из-за низкой посадки судна воды тянет прохладой, но запакованной в одежду из плотной ткани даме, конечно, жарковато.

– Материалы? Но их же немного.

– И материалы. Не так уж и мало наберется – поликлиника рассчитана на три таких Кронштадта. Да в придачу перед самой Бедой получили заказанные еще в ноябре материалы. С этими траншами, конкурсами и так далее все шло с огромной задержкой, и брать приходилось сразу с запасом, иначе пока наверху решат все финансовые вопросы – останешься с неизрасходованными деньгами, но без материалов. А это грустно. И, кроме того, у нас магазин стоматологических материалов арендовал площади. И складик у них там, и ассортимент самый ходовой.

– А вывезти – не могли? – спрашивает прислушивающийся Серега.

– Не знаю, – честно признается стоматологиня.

– А зомби там много? У вас посетителей сколько было?

– Вот посетителей быть не должно. Мне ночью наш заводделением позвонил – говорит, главврач велел на работу не выходить – вроде как эпидемия началась, потому прием отменяется, и больных, кого сможем, надо предупредить, чтоб зря не приходили. Как я знаю, на работу из моих знакомых никто не поехал, пережидали. А потом уже и не получилось бы. Но все равно – там есть что забрать, поликлиника у нас была если и не лучшей, то одной из лучших в городе. У нас и аллерголог работал, и онколог, и лаборатория отличная... была. Депофорезом занимались, это тоже не фунт изюму.

Внимание отвлекается какой-то суетой рядом.

– Оппаньки! – удовлетворенно выговаривает Сергей.

– Что случилось?

– Очередной балбес карабин к рыбам отправил. Ставят, дурни, к поручням, ну а от поручней до воды тут близко.

– А, тоже мне развлечение. Так что это такое – как его – депофорез?

– Способ спасти весьма проблемный зуб. Альтернатива удалению.

– Толку-то от проблемных зубов, – хмуро говорит Андрей.

Надо же, я-то думал, что он дремлет, а он, оказывается, слушает, о чем мы тут болтаем. Ну да, зубов-то у него не богато – надо полагать, все же беспокоит проблема. Другое дело – денег не было или настроя...

– А что лучше – своя хромая нога или новехонькая деревянная? – бойко парирует стоматологиня. И, не дожидаясь ответа, сама же и отвечает: – Свой зуб, даже корень от своего зуба куда устойчивее и практичнее, чем имплантат или протез. Другое дело, что часто проще выдрать все, не корячаясь с лечением, и сделать протез. По деньгам тоже выгоднее.

– Для пациента? – невинно осведомляется Енот.

– Ага, – и стоматологиня ехидно ему подмигивает. Оба понимающе улыбаются друг другу такими авгурскими улыбками.

– Вы на этих охламонов не отвлекайтесь, что там за депо этот? – направляет разговор в нужное русло майор. Он явно всю информацию мотает себе на ус.

– Да все достаточно просто, хотя и хлопотно: каналы зуба – они на самом деле с разветвлениями и не прямые. Ну, и в сотни мельчайших ответвлений от канала инструментом не залезешь. Вот и загружается туда, в канал специальное вещество – гидроокись меди кальция. Потом создается слабое электрическое поле – электрофорез ведь в школе проходили?

Майор кивает утвердительно.

– Вот под воздействием поля вещество попадает во все ответвления, ликвидирует там очаги инфекции. В конечном итоге укрепляется костная ткань вокруг корня, гранулемы зачастую исчезают. Возни врачу, конечно, много, но для пациента дело благодарное.

– А у меня кровиска идет из десен, когда зубы чищу – неожиданно влезает в беседу Вовка.

– Щетку зубную поменяйте. У всех питерских парадонтит, конечно, есть, но щетку замените. Давно не меняли?

– А что, их менять надо? – сильно удивляется Вовка.

– Раз в три месяца, а то размахнется, будет торчащей щетиной травмировать. И после чистки зубов нанесите гель «Метрогил Дента» на десны. За недельку гораздо лучше станет.

– А что за пасты скажете, – поддерживает беседу Енот.

– Насколько знаю, разницы особой в пастах нет. Во всех есть абразивный компонент, пенящий компонент и отдушки с добавками. Так что действие одинаково, в общем. Тут все решает время чистки и правильность. Обязательно – дважды в день, утром-вечером и самое главное – не меньше трех минут и аккуратно, чтоб каждый зуб почистили. Это ж элементарно просто и заменяет пяток походов к врачу. Вы ж поймите – зубы человеку не зря даны.

– Разумеется, самое важное в человеке – зубы, – ерничает Званцев-младший.

– Конечно. Вот вам в училище преподаватели все разжевывали, так чтоб вы материал усваивали лучше, так?

– Хотите назвать наших преподав зубами науки? – поддерживает своего приятеля курсант Ленка.

– Да, именно так. Потому что вам пережеванный ими гранит науки усваивать было легче. В организме все точно так же: если еду как следует пережевали – она и усвоится хорошо, и весь пищеварительный тракт сработает как часики швейцарские. А нет зубов – сразу проблем масса.

– От начала до конца, – не унимается Рукокрыл.

– От начала до конца, – заводится стоматологиня и начинает объяснять сидящим вокруг мужикам хрестоматийные вещи про то, что без жевания нет пищеварения, даже желудочный сок не выделяется, ну и так далее.

Андрей сидит грустно рядом и слушает вполуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.